

HISTORIA ROSSICA

Эрика Монахан

СИБИРСКИЕ КУПЦЫ

ТОРГОВЛЯ В ЕВРАЗИИ
РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Эрика Монахан

**Сибирские купцы. Торговля в
Евразии раннего Нового времени**

«НЛО»

2016

Монахан Э.

Сибирские купцы. Торговля в Евразии раннего Нового времени /
Э. Монахан — «НЛО», 2016 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-44-482379-8

Ключевую роль в утверждении и расширении власти Московского государства, а затем и Российской империи в этнически пестром сибирском приграничье сыграла континентальная торговля. Книга Эрики Монахан – попытка проанализировать связь между купеческим миром и государственным строительством в раннее Новое время, а также пролить свет на социальную историю нескольких купеческих династий в России. В центре внимания исследовательницы – несколько поколений трех семей, которые вели торговлю в Сибири более столетия: Филатьевых, принадлежавших к купеческим элитам России; Шабабиных, иммигрантов-мусульман, освоивших местную и дальнюю торговлю, при этом успешно совмещавших частное предпринимательство со служением российскому государству; и Норицыных, торговцев более скромного статуса, активно участвовавших в развивающейся российско-китайской торговле. Автор книги исследует образ жизни, который они вели, стратегии, к которым они прибегали в отношениях с государством, а также социальные ниши, которые они занимали в сибирском пограничье. Эрика Монахан – историк, профессор Университета Нью-Мексико, США.

ISBN 978-5-44-482379-8

© Монахан Э., 2016

© НЛО, 2016

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	7
СИБИРСКИЕ КУПЦЫ	10
СИБИРСКИЕ КУПЦЫ В БОЛЕЕ ШИРОКОМ КОНТЕКСТЕ	13
ИМПЕРСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ	16
ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ	21
ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ В МИРОВУЮ ИСТОРИЮ:	25
ИСТОРИЯ КАПИТАЛИЗМА И ВЗЛЕТА ЗАПАДА	
ОБ ИМПЕРИИ	31
Часть первая. Торговля и империя	36
Глава 1	36
УХОД ОТ ДИХОТОМИИ «ВОСТОК – ЗАПАД»	36
ПЕРЕСМОТР МЕСТА РУСИ В МИРЕ	38
ТОРГОВЛЯ – СРЕДОТОЧИЕ МОСКОВСКОГО	39
ГОСУДАРСТВА	
ПУТЕШЕСТВИЕ АФАНАСИЯ НИКИТИНА В ИНДИЮ	40
ПОДЪЕМ МОСКОВИИ	42
ВОДОРАЗДЕЛ XVI ВЕКА	44
ГОСУДАРСТВО КОММЕРЧЕСКОГО АКТИВИЗМА	49
РОССИЙСКИЕ ДОХОДЫ	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Эрика Монахан

Сибирские купцы. Торговля в Евразии раннего Нового времени

Historia Rossica

Эрика Монахан
Сибирские купцы
ТОРГОВЛЯ В ЕВРАЗИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Новое литературное обозрение
Москва
2024

Erika Monahan
The Merchants of Siberia
TRADE IN EARLY MODERN EURASIA

Cornell University Press
2016
УДК 339(470+571)(091)«16»
ББК 63.3(2)45-2
M77

Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA

С. Абашин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский, Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слёзкин, Р. Уортман

Редактор серии И. Мартынюк

Перевод с английского А. Терещенко
Эрика Монахан

Сибирские купцы: торговля в Евразии раннего Нового времени / Эрика Монахан. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – (Серия «Historia Rossica»).

Ключевую роль в утверждении и расширении власти Московского государства, а затем и Российской империи в этнически пестром сибирском приграничье сыграла континентальная торговля. Книга Эрики Монахан – попытка проанализировать связь между купеческим миром и государственным строительством в раннее Новое время, а также пролить свет на социальную историю нескольких купеческих династий в России. В центре внимания исследовательницы – несколько поколений трех семей, которые вели торговлю в Сибири более столетия: Филатьевых, принадлежавших к купеческим элитам России; Шабалиных, иммигрантов-мусульман, освоивших местную и дальнюю торговлю, при этом успешно совмещавших частное предпри-

нимательство со служением российскому государству; и Норицыных, торговцев более скромного статуса, активно участвовавших в развивающейся российско-китайской торговле. Автор книги исследует образ жизни, который они вели, стратегии, к которым они прибегали в отношениях с государством, а также социальные ниши, которые они занимали в сибирском пограничье. Эрика Монахан – историк, профессор Университета Нью-Мексико, США.

В оформлении обложки использована иллюстрация «Русская одежда от XIV до XVIII столетия. Охобень и шапка» из кн.: Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. СПб., 1841–1862. Ч. 1. С. 10.

ISBN 978-5-4448-2379-8

The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia, by Erika Monahan, published by Cornell University Press

Copyright © 2016 by Cornell University

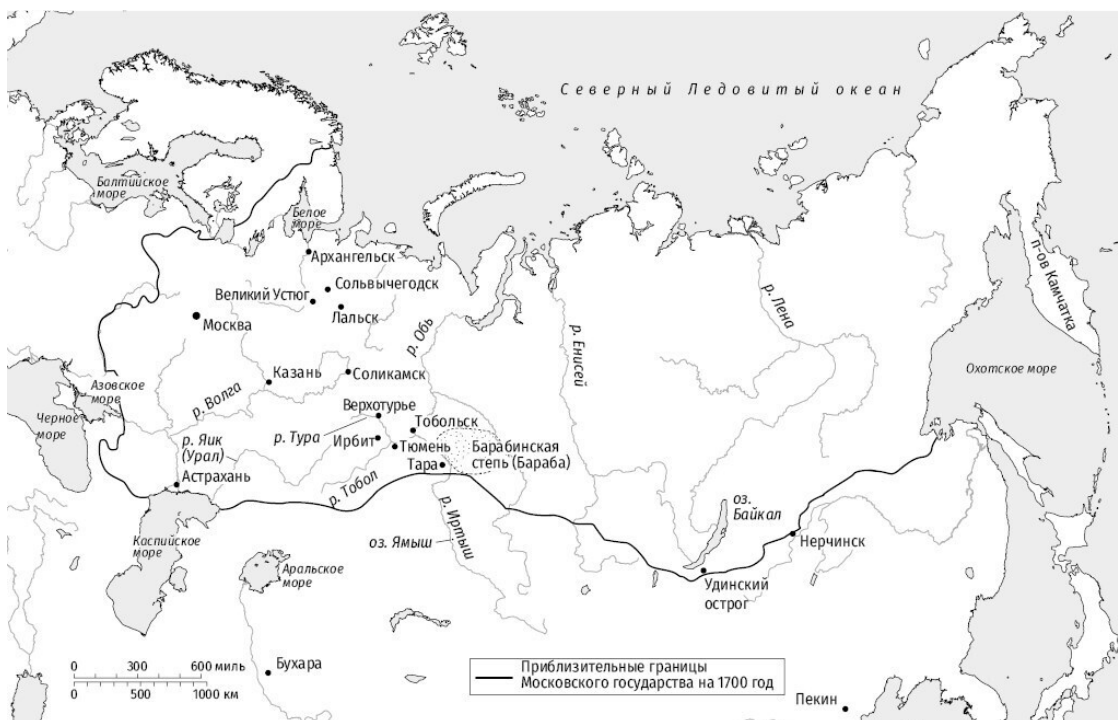
This edition is a translation authorized by the original publisher

© А. Терещенко, перевод с английского, 2024

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

Посвящая Сету

Карта 1. Евразия на рубеже XVII–XVIII веков

ВВЕДЕНИЕ

*Merchant Adventurer, and free of Russia.
Эпитафия на надгробном камне Ричарда Чемберлена, умершего в
1562 году*

*И тот де индиец тому гораздо подивился, что ему нигде обиды
нихто ничего не учинил.
Доклад Посольского приказа о беседе с индийским купцом Сутуром
Кедековым, XVII век*

Ричард Чемберлен торговал скобяными изделиями, был членом городского управления и купцом. Он был одним из учредителей Компании купцов-путешественников для открытия новых земель, предшественницы Российской компании, которая, будучи сформирована в 1555 году, стала первой масштабной торговой компанией раннего Нового времени. Когда в 1566 году Чемберлен был похоронен рядом со своей первой женой на кладбище прихода Святого Олафа в Лондоне, эпитафия на его надгробном камне гласила: «Merchant Adventurer, and free of Russia»¹. Вероятно, эту фразу следует перевести «купец-путешественник, вольный жить и торговать в России» – интересно, что он выбрал подобную формулировку, которая в XVI веке не была в официальном ходу ни в Российской компании, ни у властителей самой России. Однако, столкнувшись с этой эпитафией, я услышала ее по-своему. В 1990-х годах, когда Россия открывалась, я сама пыталась заниматься бизнесом в этой стране, и, вспоминая этот опыт хронических трудностей и осознания тщетности любых моих усилий, я отнеслась к этому человеку с горячим сочувствием. Я перевела фразу «free of Russia» как «свободный от России» и услышала, как Чемберлен произносит ее со вздохом измученного человека, наконец освободившегося от тяжелого бремени, для которого это освобождение важнее успеха или неудачи, и сообщает потомству, что ему уже не придется нести тяготы российского делового мира. Ему хватило². Если Чемберлен хотел поделиться именно этим чувством, он был отнюдь не единственным, кого доконало ведение дел в России. Многочисленные источники сетуют на продажных чиновников, ненадежных партнеров, ужасающие трудности с логистикой, холод, расстояние, аморфную нормативно-правовую базу, а также языковые и культурные барьеры, затруднявшие поиск покупателей в России. Все это мешало не только иностранцам, но и местным уроженцам. Даже самые привилегированные русские купцы имели дело с конкуренцией с обоих концов социального спектра. Немало предприимчивых крестьян с Русского Севера, начав с мелочной торговли, стали богатейшими купцами. Еще находясь внизу общественной лестницы, они иногда выступали в роли приказчиков иностранных купцов, что угрожало их более богатым соотечественникам потерей конкурентных преимуществ. Но и самые влиятельные лица в стране не гнушались торговли: боярин Борис Иванович Морозов, свояк царя, активно участвовал в двух важнейших экспортных отраслях Московии, вывозе юфти и поташа³. Нелегко было делать дела в Московии.

И однако же высеченная в камне эпитафия английского предпринимателя не отдает должное широчайшему спектру возможностей, открывавшихся для торговли в России раннего Нового времени. К слову, будучи англичанином в России во времена Ивана IV, Чемберлен был освобожден от всех пошлин – на такие льготы не могли рассчитывать даже самые приви-

¹ Willan T. S. The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, UK: Manchester University Press, 1953.

² Выражаю благодарность Грегу Афиногенову, обратившему на это мое внимание.

³ Гейман В. Г. О хозяйстве боярина Б. И. Морозова // Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. / Отв. ред. С. Г. Томсинский. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. LXX–LXXXIII.

легированные русские купцы. И конечно же, не было такой льготы у индийского купца-экспата Сутура Кедекова. Более того, будучи временным жителем Астрахани, Кедеков платил одну из самых высоких пошлин в России, и все же он «гораздо подивился» благоприятным условиям для торговли, с которыми он столкнулся. По его словам, в отличие от Персии, нигде в России, ни в Астрахани, ни в Казани, «обид никаких ни от кого не было и торговать ему дали повольною торговлею... пошлину имали прямую и отпускали ево везде без задержания»⁴. Разумеется, фразу индийца, дошедшую до нас в докладе Посольского приказа, можно воспринимать со скепсисом. У купца могли быть причины приукрашивать свои впечатления в беседе с дьяком, задававшим ему вопросы, но мы не должны исходить из того, что дьяк приукрасил свой доклад: как же тогда объяснить объемистые жалобы на злоупотребления, которые такие же дьяки сохранили для истории?

Дело в том, что взгляд через призму опыта Кедекова отнюдь не является господствующим в историографии, посвященной российской торговле: как правило, в книгах историков государство предстает жестоким и давящим, а русские купцы – мошенниками, причем и государство, и купцы отличаются крайней некомпетентностью. Но перспектива нашего индийца заслуживает внимания – Кедеков был отнюдь не одинок. Не вполне ясно, была ли торговая среда действительно столь располагающей или же просто прибыль от торговли в России вознаграждала за все трудности, но факт остается фактом: тысячи купцов приезжали торговать в Россию раннего Нового времени. На протяжении XVII столетия Российская империя приняла тысячи переселенцев с Ближнего и Среднего Востока, из Центральной Азии и Индии (но не из Китая). В 1730-х годах, опрашивая потомков эмигрантов из Бухары, немецкий академик Г. Ф. Миллер получил сходные ответы: их предки переехали в Сибирь, потому что там было удобно торговать. Может ли быть так, что Московия была столь благоприятной для коммерции по сравнению с системами, находившимися к востоку от нее, а по сравнению с системами, лежащими к западу, московский торговый мир был хаотичным и коррумпированным? Эта версия (проблемная тем, что она воплощает ориенталистские общие представления о Востоке и Западе) меркнет на глазах, если вспомнить, что в XVII веке в Россию надолго переехали почти 1400 западных европейцев. Некоторые европейские купеческие семьи действовали в России на протяжении почти всего столетия; 50 английских, голландских и немецких купцов крестились в православие, сделав Россию своей физической и духовной родиной⁵. А Ричард Чемберлен принадлежал к первому поколению купцов Московской компании – тем, кому Иван IV даровал щедрые льготы в обмен на английское оружие и в надежде на так и не заключенный союз. Я не хочу сбрасывать со счетов последнее слово умирающего человека, обращенное к потомкам, но при Романовых английским купцам в России пришлось тяжелее, нежели Чемберлену. Однако же они продолжали туда ездить.

Столкновение этих двух взглядов приводит нас к цели этой книги: описать деловой климат и рассказать о жизни купцов в России раннего Нового времени. Два приведенных выше примера связаны с иностранными купцами, чьи коммерческие интересы на время привели их в Россию. Разумеется, мы не отказались бы узнать о тысячах других купцов, относящихся к этой же категории. Но мы еще меньше знаем о тех купцах, которые были подданными царя. Эта книга посвящена им. Конечно, одна книга не может начать повествование об истории всех таких купцов в России раннего Нового времени, особенно принимая во внимание утвержде-

⁴ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 161.

⁵ Демкин А. В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М.: Б. и., 1992. С. 11; Захаров В. Н. Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII – первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1985. Т. 112. С. 177–214. Как сообщает Мария Арель, в первой половине XVII века в Москве жили тридцать восемь «московских иностранцев», европейских купцов, обратившихся в православие. См.: *Arel M. S. Masters in Their Own House: The Russian Merchant Elite and Complaints against the English in the First Half of the Seventeenth Century* // *Slavic and East European Review*. 1999. Vol. 77. № 3. P. 407.

ние Иоганна де Родеса, что в России торговали все. «Всякий – пишет он, – даже от самого высшего до самого низшего, занимается и думает только о том, как бы он мог то тут, то там выискать и получить некоторую прибыль»⁶. Поэтому настоящая книга сосредотачивает свое внимание на купцах, торговавших самыми различными товарами, привезенными в Россию западными и восточными купцами, в регионе, ставшем самым крупным территориальным приобретением государства в XVII столетии. Настоящая книга посвящена сибирским купцам – обычаям, к которым они пришли, стратегиям, к которым они прибегали в отношениях с государством, а также нишам, которые они заняли в сибирском пограничье вместе со своими друзьями, семьями и конкурентами.

⁶ *Родес И.* Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса / Пер. Б. Г. Курца. М.: Синодальная типография, 1914. С. 149.

СИБИРСКИЕ КУПЦЫ

Сцена сибирской торговли была удивительно разнообразной для такого упорядоченного и иерархического общества, как «московитское». Крайняя неоднородность торгового населения подтверждается тщательно сохранными страницами сибирских таможенных книг, из которых сразу становится ясно, что купцы делили рынок со служилыми, женщинами, мясниками, татарами и, до известной степени, чиновниками и коренными жителями⁷. Настоящая книга посвящена тем, кто известен как привилегированные купцы. Они принадлежали к одной из трех групп, существовавших приблизительно с конца XVI века до 1720-х годов, членство в которых определялось государством. Три категории привилегированных купцов в Московии были таковы: гости, гостиная сотня и суконная сотня. Эти купцы почти всегда были русскими.

Прежде чем мы пойдем дальше, необходимо вкратце оговорить происхождение, льготы и обязательства привилегированных купеческих корпораций. Выяснить происхождение и смысл всех этих статусов сложно, потому что все они (гости, гостиные сотни, суконные сотни) прекрасно существовали до того, как стали формальными корпорациями, членство в которых определялось Московским государством. К примеру, в Московии XVI века параллельно существовало два вида гостей: те, чей статус определялся великим князем Московским, и те, чей статус им не определялся. Более того, их привилегии не только изменялись со временем, но и, что не удивительно в стране «персональных договоренностей», могли быть разными в зависимости от тех или иных грамот. В числе самых распространенных льгот изначально были свобода от постоя военных, разрешение на частное винокурение и право на рассмотрение дела в суде в Москве. В целом можно сказать, что на протяжении XVII века привилегии стали более единообразными и многочисленными. К 1648 году гости были свободны от выплаты тягла в Москве, хотя, по всей видимости, они пользовались налоговыми льготами уже до того, как получили официальные грамоты, подтверждавшие эти льготы⁸. Как правило, гости платили таможенные пошлины с товаров, которыми они торговали.

Каждый гость получал индивидуальную грамоту от царя, что было отражением московской политической культуры, построенной на личных связях, но грамоты, которая бы учредила саму корпорацию, не было. Когда гости действовали в частном порядке, они очень напоминали влиятельных купцов в других государствах раннего Нового времени, не имевших официального статуса, который бы обязывал их к государственной службе. Когда же гости служили государству, их можно в функциональном плане сравнить с торговыми посланниками других стран, получившими назначение для выполнения конкретной задачи, – купцами, присланными от лица короля или хана. Их государственная служба, как правило, заключалась в том, что они комплектовали бюрократический аппарат, связанный с торговыми или фискальными вопросами, или выступали в роли торговых агентов царя. Их обязанности могли простирались и на другие сферы – например, контроль над строительными проектами или осуществление дипломатических миссий за границей. Это была в высшей степени привилегированная группа. Между 1613 и 1725 годами число гостей варьировалось от десяти (в 1725 году) до шестидесяти одного (в 1687 году), но в среднем составляло около тридцати двух⁹.

Если гости были «генералами коммерческих проектов» России, то второй эшелон купцов, гостиная сотня, были «торговым войском», предназначенным для того, чтобы в любой момент выполнять обязанности, считавшиеся необходимыми для оздоровления финансовой

⁷ *Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1915. С. 88.

⁸ ДАИ. Т. 3. № 44. С. 150–151 (26 августа 1658 г.).

⁹ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М.: Памятники исторической мысли, 1998. Т. 1. С. 113, 148, 171, 206.

ситуации в империи. В отличие от более эксклюзивной корпорации гостей, гостиная сотня и суконная сотня насчитывали несколько сотен купцов. Членство в этих корпорациях было наследственным и распространялось на всех близких родственников мужского пола (братьев, сыновей, племянников)¹⁰. Суконная сотня гораздо менее заметна в государственных документах. В некоторых она упомянута особо, например в указе царя Федора в 1681 году, но многие государственные документы, упоминающие гостиную сотню, ни слова не говорят о суконной сотне¹¹. Тот факт, что плата за бесчестие «крупного» купца из суконной сотни была эквивалентна плате за бесчестие «среднего» купца из гостиней сотни, указывает на их более низкий статус¹². Вероятно, их коммерческой нишей были шерстяные ткани, и они выполняли такие же служебные обязанности, как и члены гостиней сотни – например, служили в Сибирском приказе¹³. В какой-то момент в конце XVII века суконная сотня вошла в состав гостиней сотни¹⁴. Поскольку купцы суконной сотни практически не принимали участия в сибирской торговле, эта книга больше не будет уделять им внимания. Выполняя государственные обязанности, гости и купцы гостиней сотни вместе с тем стремились к собственной выгоде – когда не находились на государственной службе, а также, до известной степени, на задворках государственной службы. Мне ничего не известно о формальных встречах корпорации гостей, но между ними должна была существовать определенная координация, потому что именно гости определяли, кто будет комплектовать ту или иную таможенную службу, а царь в это вмешивался редко¹⁵.

Выбор определенного ракурса влечет за собой плюсы и минусы, это очевидно для любого проекта. В случае этой книги целью не является ни экономическая история, ни микроистория. В обзоре экономической истории, компонента столь же важного, сколь и неполного, я полагаюсь на существующую историографию. Чтобы стать микроисторией, эта книга должна была бы уделять гораздо больше внимания казакам, служилым, крестьянам и данникам. Таким образом, мой анализ деятельности тех, кто располагал юридическим статусом купца, не создаст полной картины сибирской торговли. Но он может пролить свет на социальную историю купцов в России и продемонстрировать взаимодействие между торговлей и государственным строительством на окраине в раннее Новое время. В Сибири история купцов включает в себя бухарцев – купцов-мусульман, переехавших в Сибирь из Центральной Азии и в награду за это получивших от Российского государства особые льготы, хотя и не вошедших в одну из трех описанных выше привилегированных групп. Настоящая книга пытается показать объемную картину коммерческой жизни в Сибири, обрисовать каждодневные решения и вызовы, а также пути, которыми государственные чиновники могли способствовать или препятствовать коммерческим интересам. Этот подход оправдан потому, что, хотя в теории государство стремилось облегчить деятельность купцов (и обложить ее налогом), на практике контроль центра над периферийной администрацией был осложнен расстоянием и давней традицией самообогащения, существовавшей до того, как чиновники стали получать фиксированное жалованье.

На страницах этой книги мы проследим семейные коммерческие предприятия, порой на протяжении нескольких поколений. Хотя концепция «семейного предприятия» широко известна в истории бизнеса, мы используем другую методологию. Истории семейных предпри-

¹⁰ Соловьева Т. Б., Володихин Д. М. Состав привилегированного купечества России в первой половине 17 века (по материалам росписей гостей, гостиней и суконной сотни). М.: Мосты, 1996. С. 3.

¹¹ ПСЗ-1. Т. 2. № 864. С. 307–310 (3 мая 1681 г.).

¹² Смирнов П. П. Посадские люди Московского государства // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Киев: кн. маг. Н. Я. Оглоблина, 1912. Т. 3. С. 91.

¹³ Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, 1592–1768: в 4 т. М.: Университетская типография, 1895–1901. Т. 4. С. 81.

¹⁴ Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century: Windows on the World. Boston: Brill, 2005. P. 203.

¹⁵ Мерзон А. Ц. Таможенные книги: Учебное пособие о источниковедении истории СССР. М.: Б. и., 1957.

ятий часто основываются на тщательном изучении делового архива. Затем эти записи вводятся в более широкий контекст. Но когда речь заходит о предприятиях семьи Шабабиных или изучаемых в настоящей книге русских купцов, семейного архива не существует¹⁶. Представленная здесь реконструкция основана на тех моментах, когда члены семьи взаимодействовали с государством. Представьте себе, например, историю Фуггеров или Рокфеллеров, в которой вся информация происходила бы не от деловых записей самой семьи, но от изучения государственных записей – разрешений на ту или иную деятельность, документов о выплате налогов и штрафов, заявлений на получение разрешений, виз и т. д. Когда историк лишен роскоши поместить в центр исследования записи самого учреждения, задача осветить историю семейного бизнеса на протяжении многих поколений становится куда более сложной. Историки, занимающиеся другими сферами, иногда критикуют чрезмерно государственный подход специалистов по истории России, видимо не понимая, что речь идет не о сознательном выборе исследователей, а о необходимости, продиктованной существующими источниками. Это относится и к настоящей истории.

¹⁶ Единственные известные мне сохранившиеся купеческие архивы до XVIII века – архивы семей Строгановых и Панкратьевых. Источники просто не позволяют создать такие труды, как: *Rothschild E. The Inner Life of Empire*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011, или *The Self-Perception of Early Modern Capitalists* / Ed. M. C. Jacob, C. Secretan. N. Y.: History, 2008.

СИБИРСКИЕ КУПЦЫ В БОЛЕЕ ШИРОКОМ КОНТЕКСТЕ

Присоединение Сибири началось в конце XVI века и было поверхностно завершено в течение семидесяти пяти лет, хотя до самого конца XVIII века Российское государство, пытаясь осуществлять свой суверенитет в Сибири, сталкивалось с серьезными трудностями. Ведение дел в обширных континентальных пространствах, на которые Россия только-только распространила свою власть, порождало свою собственную динамику, и историю сибирских купцов нельзя рассказать, не обращая внимания на государство, в котором они действовали, и на шедший вокруг них процесс строительства империи. Поэтому настоящая книга – еще и история Сибири, пограничных пространств, которые государство стремилось контролировать, и живших там купцов. Когда речь заходит о Сибири, на ум сразу приходят ссыльные и пушнина, но история Сибири, о которой здесь повествуется, – это история империи, которая учится функционировать.

Задолго до того, как промышленная революция стала катализатором «экономического роста» и он обрел свою классическую роль средоточия политэкономии, произошла и другая революция. Государства эволюционировали и развились как организмы, отнюдь не сводившиеся к военным функциям, хотя именно возможность вести войну оставалась основой и движущей силой инноваций, о которых идет речь. По мере того как государства эволюционировали от «государств-вотчин» к «налоговым государствам», административное развитие основывалось на понимании, что эффективность государственного регулирования, посредничества и участия в торговле в большой степени служит условием его финансового благоденствия¹⁷. Это было особенно верно в России, где от одной до двух третей государственных доходов составляли таможенные пошлины на ввоз и вывоз товаров. Наконец, эти важнейшие процессы государственного строительства происходили одновременно со строительством империй. И хотя некогда считалось, что государства сначала приводили в порядок собственный дом, а затем устремлялись во внешний мир, эта модель разваливается при более внимательном изучении материала. Она безусловно не работает в России.

Кроме того, историю сибирских купцов невозможно рассказать, не приняв во внимание более широкий контекст растущей мировой экономики, в котором Россия оказалась более тесно связанной с Востоком и более плотно интегрированной во все более динамичную мировую экономику. Определяющей чертой раннего Нового времени является то, что межкультурные взаимодействия, существовавшие на протяжении столетий, получили новый толчок, стали более масштабными и оказались по-новому в фокусе политического внимания. Как пишет Марта Хауэлл, «между 1300 и 1600 годами торговля вышла за пределы, где она была вынуждена существовать на протяжении веков»¹⁸. Говоря о том, что торговля «вышла за пределы», она имеет в виду, что торговля на дальние расстояния теперь затрагивала не только элитные дворы и ограниченное число купцов и торговых агентов, обеспечивавших связанные с ней нужды и желания¹⁹. Конечно, нельзя сказать, что в Средние века крестьянину или бедному

¹⁷ *Glete J.* War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal-Military States, 1500–1660. London; N. Y.: Routledge, 2002; *The Rise of the Fiscal State in Europe, c. 1200–1815* / Ed. by R. Bonney. N. Y.: Clarendon Press, 2000; *Brewer J.* The Sinews of Power: War, Money, and the English State, 1688–1783. Boston: Harvard University Press, 1989.

¹⁸ *Howell M. C.* Commerce before Capitalism in Europe, 1300–1600. N. Y.: Cambridge University Press, 2010. P. 1.

¹⁹ Дальняя торговля даже в древние времена не сводилась к предметам роскоши. Хлеб и сушеная рыба путешествовали на дальние расстояния, часто выполняя роль балласта на кораблях. Но в раннее Новое время число тех, кто участвовал в дальней торговле, значительно выросло. *De Vries J.* Connecting Europe and Asia: A Quantitative Analysis of the Cape Route Trade, 1497–1795 // *Global Connections and Monetary History, 1470–1800* / Ed. by D. O. Flynn. Burlington, VT: Aldershot, 2003. P. 35–105. В особенности см.: P. 91–92.

горожанину никогда не доставалось даже образчика шелка, но теперь плоды дальней торговли стали более непосредственно затрагивать жизнь людей повсюду. Сахар с Антильских островов, ситец и хлопок из Индии, лекарственный ревень и чай из Китая, сукно из Англии или меха с Великих озер или из Сибири стали предметами, известными и простонародью. Россия участвовала в этих глобальных изменениях, хотя ее особенности и делают российскую историю уникальной. Поэтому настоящая книга показывает переплетение семейных судеб и судеб империи. Первая и вторая части книги в первую очередь посвящены описанию и объяснению ведомственной, социальной и физической среды, в которой действовали купцы. Книга стремится познакомить своих читателей с местной, имперской и глобальной динамикой, повлиявшей на жизнь сибирских купцов, хотя и не устанавливает точной связи между этими тремя измерениями.

На фоне головокружительной геополитической динамики и метаструктурных сдвигов в политической экономии люди жили и торговали. Хотя купцы присутствуют во всех частях настоящей книги, на авансцену они выходят в третьей части. В главе 6 прослеживается история семьи Филатьевых, чьи предприятия в сибирской и китайской торговле позволили им подняться на вершину московского коммерческого мира. Глава 7 посвящена истории бухарской семьи купцов-мусульман, переехавших в Тюмень из Центральной Азии и на протяжении столетия процветавших в роли купцов и, время от времени, государственных служащих, при этом сохраняя свое мусульманское вероисповедание. Глава 8 спускается на еще более низкий уровень коммерческой иерархии, прослеживая историю семьи Норицыных, которые так и не достигли выдающегося положения, но почти повсеместно упоминаются среди привилегированных купцов, а в сибирской торговле заметны и сами по себе. В этой главе речь заходит и о купцах из гостинной сотни, которые были особенно вовлечены в китайскую торговлю.

Изучение истории всех этих купцов на местном уровне служит иллюстрацией прагматичности Российской империи. Это особенно важно в случае бухарцев, история которых вносит немалый вклад в историю ислама в империи. После «имперского поворота» 1990-х годов специалисты по России начали сокращать разрыв между собой и другими специалистами по европейской истории, и постколониальный подход стал единственным, который считался приемлемым. Судьба покоренных народов, их приспособление и сопротивление стали сверхпопулярными темами; в центре особенного внимания оказались интеллектуальные элиты коренных народов²⁰. В постсоветском мире произошел взрыв исследований по национальной тематике²¹. Когда ученые начали писать историю российской периферии, где жило большинство российских мусульман, тематика ислама в Российской империи заняла почетное место. Террористический акт 11 сентября, чеченские войны, рост татарского национализма и демографические прогнозы, предсказывающие опережающий рост числа мусульман в России, тоже внесли свой вклад в то, что история мусульман оказалась на авансцене. Как и в большинстве постсоветских исследований, посвященных торговле, подавляющее большинство исследований фокусируется на современности²². Кроме того, оно в большой степени посвящено вопросам идентичности,

²⁰ Morrison A. The Pleasures and Pitfalls of Colonial Comparisons // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 4. P. 918–920.

²¹ В советское время, безусловно, существование в Российской империи мусульман не игнорировалось. Публиковались бесценные сборники документов, посвященные Центральной Азии (Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. М.: Изд-во АН СССР, 1932. Т. 3. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII веках; Русско-монгольские отношения, 1685–1691: сборник документов в 4 т. / Сост. Г. И. Слесарчук. М.: Восточная литература РАН, 2000). В западном исследовательском сообществе тему конфессиональной сложности Московии задал Эдуард Кинан в своей диссертации: *Keenan E. Muscovy and Kazan', 1445–1552: A Study in Steppe Politics*. PhD diss., Harvard University, 1965. Работа Дональда Островского (*Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998), начатая задолго до 1991 года, обращалась к наследию монгольской ига в русской истории, и ее подход предвосхищал будущий расцвет постсоветских работ по роли ислама в истории России.

²² Большинство этих трудов географически сфокусировано на Кавказе и поволжских татарах, а хронологически – на

и ученые дискутируют о том, до какой степени исламский опыт отражается в государственных архивах и т. д.²³ Этот «преимущественно культурный» акцент привел к тому, что «прошло двадцать лет, как на Западе начались серьезные исследования Центральной Азии в XIX веке, а мы по-прежнему, когда речь идет о понимании социальных и экономических перемен в царское время, пользуемся нарративом советской эпохи», пишет Александр Моррисон²⁴.

Время и место, в которых я работаю, в большой степени скрывшие от историка подробности личной жизни и менталитета, сделали культурную историю русских купцов XVII века, которую я хотела бы написать, практически невозможной. Там, где я находила подобные детали, я вставляла их в свое повествование в надежде, что читатели, страдающие от подобной нехватки, отнесутся к этому снисходительно. Где меня к этому побуждают источники, книга выходит за рамки коммерческой жизни и рассматривает вопросы вероисповедания: например, изучая участие сибирских бухарцев в проповеди или религиозном образовании татарского населения. Торговля и вероисповедание, в конце концов, путешествовали рука об руку. Если это создаст у читателя тематический диссонанс, пусть это послужит напоминанием о том, что роль купцов не ограничивалась экономикой, а жизнь не делилась на четко обозначенные ячейки. Священники и муллы сопровождали караваны, пересекавшие Евразию, а купцы во всех вопросах обращались с молитвами к Богу.

XIX столетия и более позднем времени. Моя книга является продолжением исторических трудов Ланцева, Фишера, Пирса и Хиттла, писавших несколько десятилетий назад. Исключение – история коренных народов Сибири Форсайта: *Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990*. N. Y.: Cambridge University Press, 1992.

²³ Стивен Коткин призывает ученое сообщество выйти за рамки идентичности. См.: *Kotkin S. Mongol Commonwealth? Exchange and Governance across the Post-Mongol Space // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. № 3. P. 487–531. См. также дискуссию: *Ex Tempore: Orientalism and Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1. № 4. P. 691–727.

²⁴ *Morrison A. The Pleasures and Pitfalls of Colonial Comparisons*. P. 933.

ИМПЕРСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Я уделяю главное внимание торговле в Российской империи, в то время как преобладающая тематика трудов по России раннего Нового времени фокусируется на природе Российского государства и его отношениях с обществом. В своем «Народе, рожденном в рабстве» Маршалл По показал, что политическая культура москвитов не заботила первых европейцев, писавших о ней, но стала центральной темой начиная с XVI века (Герберштейн, Флетчер), задав тематику для ученых и исследователей на последующие века (хотя это не было предпринято, потому что эти писатели не в меньшей степени интересовались московской экономикой). Государство (и его отношения с обществом) имели чрезвычайное значение для первых поколений русских профессиональных историков, труды которых несли на себе отпечаток их государственных, марксистских или народнических симпатий. Когда Ричард Пайпс со своей патримониальной моделью возобновил дискуссию о природе Российского государства, он шел проторенной дорогой. В своем пылком и влиятельном тексте Пайпс описал государство, в котором царю принадлежало все, а свободы не было²⁵. Труды таких ученых, как Эдвард Кинан, и тех, кого называли Гарвардской школой, показали, что пайпсовская модель деспотизма – домисел. Кинан высказал мнение, что московский царь был сильнейшим образом ограничен в своих действиях, а жесткая политика отражала теократические принципы московских элит; «фальшивое подобострашие перед самодержавным царем» скрывало тот факт, что цари в действительности были «заложниками (в этом истинная тайна) олигархии боярских кланов»²⁶. Историки конца XX века уточнили картину, задав скептические вопросы к враждебным высказываниям тех, кто писал о московской политической культуре в раннее Новое время, и создав более нюансированный, аналитически и эмпирически здравый образ московской политической культуры, в которой нормой была политика консенсуса, а взаимоотношения государства и общества были во многом обоюдными и личными²⁷. Их труды внесли в рассмотрение Московского государства гораздо более богатую картину общества. В изучении отношений между государством и обществом главной задачей были юридические и политические права²⁸.

Тем временем, что, возможно, более важно для настоящей книги, главы из книги Пайпса, описывавшие бедность России – ее бедные почвы, бедные урожаи, бедных крестьян, дурной климат и плохо кормленный скот, – были на протяжении целого поколения стандартным чтением для всех, кто не занимался собственно экономикой²⁹. «Господин и крестьянин» Джерома

²⁵ Pipes R. *Russia under the Old Regime*. N. Y.: Penguin Book, 1974. Русский перевод: Пайпс Р. *Россия при старом режиме* / Пер. В. Козловского. М.: Захаров, 2012.

²⁶ Keenan E. L. *Muscovite Political Folkways* // *Russian Review*. 1986. Vol. 45. № 2. P. 132, 145.

²⁷ Kollmann N. Sh. *The Concept of Political Culture in Russian History* // *A Companion to Russian History* / Ed. by A. T. Gleason. Oxford, UK: Blackwell Publishing Ltd, 2009. P. 89–104; Rowland D. *Did Muscovite Literary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540s–1660s)?* // *Russian Review*. 1990. Vol. 49. P. 125–155; Poe M. *The Truth about Muscovy* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. № 3. P. 473–486; Kivelson V. A. *On Words, Sources, Meanings: Which Truth about Muscovy?* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. № 3. P. 487–499. По выступает против того, что он называет «Гарвардской школой», – взглядов Коллманн, Кивельсон и других. Martin R. *A Bride for the Tsar: Bride Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2012.

²⁸ Kollmann N. Sh. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. N. Y.: Cambridge University Press, 2012 (на рус.: Коллманн Н. Ш. *Преступление и наказание в России раннего Нового времени*. М.: Новое литературное обозрение, 2016); Eadem. *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999; Kivelson V. A. *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996; Eadem. *Muscovite «Citizenship»: Rights without Freedom* // *Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. P. 465–489; Eadem. *Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006; Ostrowski D. *The Façade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia* // *Comparative Studies in Society and History*. 2002. Vol. 44. № 3. P. 534–563.

²⁹ Другой влиятельный текст, подчеркивающий физическую бедность Московии, – Keenan E. L. *Muscovite Political*

Блюма, труд Аркадия Кэхэна, посвященный XVIII веку, более недавние труды Ярмо Котилляйне, посвященные XVII веку, а также «Хлеб на водах» Роберта Джонса стали исключениями в западной историографии, для которой политическая экономия не была приоритетной темой³⁰. Но и эти труды, за исключением трудов Котилляйне, тоже распространяли образы русской бедности и отсталости³¹. Такие ремарки, как у Витсена («Считают, что Сибирь, особенно южная часть, одна из самых благословенных частей мира. На лугах много скота, в лесах много зверей и птиц. Реки богаты самой лучшей рыбой»)³², не имели особых шансов на успех в трудах специалистов по России. Поэтому все, кажется, усвоили образы тощих коров Пайпса (обездоленных в сравнении с обитательницами молочных ферм пастушеской Европы), сравнение основной динамики московской экономики с выжатым лимоном, происходящее от английского путешественника Джэйлса Флетчера, а также допущения о русской бедности как следствии плохо функционирующей экономики. Однако, помимо только что описанного бурного мира торговли, есть и другие сведения, уже собранные или появляющиеся сейчас, – например, попытки подсчитать суммы, которые Россия тратила на выкуп пленных или на полевые армии, рассказы о Московии, в которых звучит восхищение богатством страны, долгожительством и выносливостью ее подданных, – это указывает, что представление о российской бедности может заслуживать пересмотра. Разумеется, это богатство было неравно распределено, но насколько уникальной была Россия в этом отношении?³³

В то время как западные ученые XX столетия дискутировали о природе государства, историографическая традиция позднеимперской и советской России имела свои особенности. Когда в XIX веке история стала отдельной профессией, Россия оказалась на ее переднем крае, и не только в вопросах своей собственной истории. Русский историк Павел Виноградов произвел революцию в понимании средневековой Англии, а М. И. Ростовцев внес не менее важный вклад в изучение древнего мира³⁴. В. О. Ключевский, великан в сфере истории России, а также другие русские историки были новаторами в сфере социальной истории³⁵. В то время как в других национальных традициях составлялись более строго политические истории, Ключевский

Folkways. P. 115–181, особенно P. 121.

³⁰ *Blum J.* Lord and Peasant in Russia, from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961; *Kahan A.* The Plow, the Hammer and the Knot: An Economic History of Eighteenth-Century Russia / Ed. by R. Hellie. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1985; *Kotilaine J. T.* Quantifying Arkhangel'sk's Exports in the 17th Century // Journal of European Economic History. 1999. Vol. 28. № 2. P. 276–292; *Foust C.* Muscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and Its Setting. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1969; *Kotilaine J. T.* Competing Claims: Russian Foreign Trade via Arkhangel'sk and the Eastern Baltic Ports in the Seventeenth Century // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2003. Vol. 4. № 2. P. 279–311; *Kotilaine J. T.* Mercantilism in Pre-Petrine Russia // Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in 17c. Russia / Ed. by J. Kotilaine, M. Poe, N. Y.: RoutledgeCurzon, 2004. P. 137–166; *Kotilaine J. T.* Russia's Foreign Trade; *Jones R. E.* Bread upon the Waters: The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2013. См. также: *Hellie R.* The Economy and Material Culture of Muscovy, 1600–1725. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1999; *Arel M. S.* The Arkhangel'sk Trade, Empty State Coffers, and the Drive to Modernize: State Monopolization of Russian Export Commodities under Mikhail Fedorovich // Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in 17c. Russia / Ed. by J. Kotilaine, M. Poe, N. Y.: RoutledgeCurzon, 2004. P. 167–193.

³¹ Наиболее влиятельные формулировки см.: *Gerschenkron A.* Europe in the Russian Mirror: Four Lectures in Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.

³² *Vitseen H.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии: в 3 т. / Пер. В. Г. Трисман. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 2. С. 1019.

³³ *Hellie R.* Great Wealth in Muscovy: The Case of V. V. Golitsyn and Prices of the 1600–1725 Period // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 226–270.

³⁴ *Vinogradoff P.* Villainage in England: Essays in English Mediaeval History. Oxford: Oxford University Press, 1892; *Rostovtzeff M. I.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, UK: Clarendon Press, 1926; *Rostovtzeff M. I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, UK: Clarendon Press, 1959.

³⁵ Экономист М. И. Туган-Барановский (1865–1919) был политиком-марксистом, стремившимся соединить кантовскую этику с материалистическим подходом. Направление его мысли, по-видимому, предвосхищало Франкфуртскую школу, сложившуюся много десятилетий спустя. См.: *Barnett V.* Tugan-Baranovsky, the Methodology of Political Economy, and the «Russian Historical School» // History of Political Economy. 2004. 36. № 1. P. 79–101. В этом же ключе можно рассмотреть труды С. Ф. Платонова, Е. Д. Сташевского, П. Н. Милокова и Ю. В. Готье.

погрузился в нижние слои общества, стремясь дать личности и жизни русского крестьянина и солдата столь же богатую характеристику, как и интригам династической политики. Столь плодотворный подход был во многом обусловлен особенной средой, сложившейся в имперской России. Интеллигенция остро воспринимала государственную власть. Социалистические и марксистские симпатии, распространенные среди русских интеллигентов XIX века, повысили их чувствительность к тому, как жизни подданных зависят от государства и от материальных условий жизни³⁶. Но если подобная чувствительность подарила определенное сравнительное преимущество русским историкам XIX века, в советскую эпоху она оказалась чрезмерной. Жесткие марксистские требования опустошили русскую историческую традицию. Историописание уступило место грубым материалистическим интерпретациям, неизбежно зависящим от заявлений Ленина и Сталина, чьи имена в указателях советской историографии нарушали алфавитный порядок. После террора 1930-х годов некоторые историки нашли прибежище в количественных методах и в издании документов. Другие, более смелые историки зашли так далеко, что облекли в одобряемую государством риторику очевидно противоположные ей выводы. Это привело к появлению некоторого числа публикаций, приводящих исследователя в замешательство³⁷.

Ставки у советских историков-марксистов были высоки. От них зависела легитимность большевистской революции. С точки зрения некоторых, русская революция не имела никакого права на марксистскую легитимность, потому что в России не было достаточной численности пролетариата, чтобы, в соответствии с марксистской теорией, произвести революцию. Но большевики никогда не позволяли фактам стоять на дороге у судьбы. Интеллектуальное спасение революционного проекта было бы доступно, если бы удалось продемонстрировать, что у России была капиталистическая экономика. Поэтому советские историки бросили свою энергию на то, чтобы доказать: российская экономика была в достаточной мере развита, чтобы заслуживать марксистскую революцию. Для этого необходимо было продемонстрировать наличие развитой промышленности и единого национального рынка. Этот приоритет возобладал и в сибирской историографии, где историки отыскивали корреляцию цен, которая доказала бы существование всероссийского рынка³⁸. Поток впечатляющих эмпирических исследований становился мутным из-за теоретических аксиом, подобных сталинской борьбе с космополитизмом, – и советским выводам было сложно верить. Советские труды, делавшие масштабные выводы, часто основывались на удивительно узком круге источников. К примеру, ценнейший труд Б. Б. Кафенгауза был основан на подробном изучении всего тринадцати таможенных книг – малой части того, что составило бы полную выборку³⁹. Другим последствием стало то, что советские труды глядели на все исключительно с российской точки зрения. Их намерением было не столько дать оценку месту России в мире или сравнить ее с другими странами (несмотря на комментарии интеллигентов XVIII и XIX века, называвших Сибирь «нашим Перу» или «нашей Мексикой»⁴⁰), сколько оценить соотношение России с теоретической моделью развития.

³⁶ *Emmons T. Kliuchevsky and His Pupils // Modern Russian Historiography / Ed. by A. G. Mazour. Westport, CT: Praeger, 1975. P. 118–145; Sanders T. J. Historiography of Imperial Russia. N. Y.: Routledge, 1999.*

³⁷ См.: *Черепнин Л. В. И. В. Сталин о русском феодализме // Ученые записки МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1952. Вып. 156. С. 3–18.* Эта статья являет собой тревожный эпизод, показывающий, как ученые вынужденно превращались в сикофантов, восхваляющих теории Сталина. Черепнин избежал вопросов об интерпретации своего текста, нанизав несколько цитат из И. В. Сталина на с. 13.

³⁸ Один из бесчисленных примеров см.: *Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. С. 1.* Он детализирует хронологию складывания рынка по отраслям: соль в 1640-х годах, металл в 1660-х, юфть и вино в конце XVII – начале XVIII века.

³⁹ *Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (по материалам внутренних таможен). М.: Изд-во АН СССР, 1949.*

⁴⁰ См.: *Bassin M. Geographies of Imperial Identity // The Cambridge History of Russia. Vol. 2. Imperial Russia, 1689–1917 / Ed.*

Наконец, хотя пути обратно в Серебряный век не было, при общей карикатурности советской историографии в ней были свои достоинства. Советские ученые обращали больше внимания, чем западные, на крестьянские заботы и крестьянские восстания. Сравнительное обилие работ по изучению источников и публикаций документов подарило богатый материал историкам, находившимся за пределами России; доступ в советские архивы был жестко ограничен для американцев, и эти публикации стали доказательной базой множества научных работ. Но это достоинство останавливалось на границе предпринимательской деятельности. Хотя российская имперская и советская историография были поистине новаторскими в отношении социальной истории, историки не были склонны изучать социальную историю предпринимателей, опасаясь быть уличенными в опасных буржуазных симпатиях. Будучи средством передачи товаров, купцы неизбежно составляли часть прошлого, но индивидуальный купец не был предметом исследования⁴¹.

В то время как советские ученые были заняты описанием того, как создавался всероссийский рынок⁴², западные специалисты холодной войны писали историю неудачи капитализма⁴³. Не имеющий себе равных (среди западных историков) вклад Сэмюэла Барона пролил яркий свет на эту тему. Надо отдать должное Барону: он стал первопроходцем на пути купеческих историй тогда, когда другие этим не интересовались, и если англоязычный мир начал что-то понимать о купеческом классе России раннего Нового времени, это было в основном результатом трудов Барона. Более того, интеллектуальная повестка, которую выдвинул Барон, с особым вниманием к истории капитализма, купеческой культуре и передаче знания, опередила свое время. Но и его труды, при всей своей важности, тоже внесли свой вклад в закрепление того, что обычно известно как «нарратив неудачи» в российской истории. Согласно Барону, главной причиной «неудачного» развития капитализма в России стало удушающее государство, но, помимо этого, еще и отсталая, опасаящаяся рисков, дисфункциональная купеческая культура⁴⁴. То, что купцы проявили «неспособность усвоить динамический дух, накопленный опыт и методы западной коммерции, приговорило Россию к постоянной отсталости»⁴⁵.

В 1980 году Пол Бушкович опубликовал книгу «Московские купцы, 1580–1650 годы», в которой поставил под вопрос выводы Барона и его предшественников. Исходя из того, что историю купцов нельзя осмысленно рассказывать, не чувствуя экономический контекст, в котором они жили, Бушкович попытался, опираясь на удручающе фрагментарные сведе-

by D. Lieven. P. 45–63. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006. P. 48.

⁴¹ В числе редких исключений: *Бахрушин С. В.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае // Труды Института истории РАН ИОН. М.: Институт истории РАН ИОН, 1926. Вып. I. С. 355–390; *Базилевич К. В.* Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в. Л.: Изд-во АН СССР, 1933; а также труды Александра. Более подробно о советских трудах, посвященных купцам, см.: *Monahan E.* Trade and Empire: Merchant Networks, Frontier Commerce and the State in Western Siberia, 1644–1728. PhD diss., Stanford University, 2007. P. 32–38, 81–85.

⁴² *Бахрушин С. В.* К вопросу о предпосылках всероссийского рынка // Бахрушин С. В. Научные труды: Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI – начала XVII в.: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1952–1959 Т. 1. С. 23–326; *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России; *Преображенский А. А., Тихонов Ю.* Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка // Вопросы истории. 1961. № 4. С. 80–109; *Тихонов Ю. А.* Проблема формирования всероссийского рынка в современной советской историографии // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: сб. статей / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1970. С. 200–223; *Устюгов Н. В.* Экономическое развитие Русского государства в XVII в. и проблема складывания всероссийского рынка // Устюгов Н. В. Научное наследие. Экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве в XVII в. Народы Средней Азии и Приуралья в XIII–XVIII вв. М.: Наука, 1974. С. 18–74; *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л.: Наука, 1981.

⁴³ *Baron S. H.* The Weber Thesis and the Failure of Capitalist Development in «Early Modern» Russia // Baron S. H. Muscovite Russia: Collected Essays. London: Variorum Reprints, 1980. P. 321–326; *Gerschenkron A.* Europe in the Russian Mirror. P. 119–151; *Kahan A.* The Plow, the Hammer and the Knout. Барон согласился, что в XVII веке сложился всероссийский рынок.

⁴⁴ *Baron S. H.* Entrepreneurs and Entrepreneurship in Sixteenth-Seventeenth Century Russia // Baron S. H. Explorations in Muscovite History. Brookfield, England: Routledge, 1991. P. 27–58.

⁴⁵ *Baron S. H.* The Muscovy Company, the Muscovite Merchants and the Problem of Reciprocity in Russian Foreign Trade // Baron S. H. Muscovite Russia. P. 155.

ния, составить целостное представление о политической экономии Московского государства в конце XVI – XVII веке. Вследствие этого в его монографии сами купцы потерялись за экономической историей. Хотя Бушковича критиковали за этот недостаток, тот факт, что мало кто обратился к этому важнейшему предмету в последующие десятилетия, говорит сам за себя. Название настоящей книги, «Сибирские купцы», указывает на вклад Бушковича и продолжает его дело – пересмотр нарратива о неудаче. Структура книги основана на полнейшем согласии с его взглядом, что контекст совершенно необходим, если мы хотим хоть в какой-то степени понять самих купцов, поэтому пять первых глав посвящены контексту, но вместе с этим я пытаюсь подойти ближе, чем он, к описанию жизни самих купцов.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Крушение Советского Союза освободило советских ученых от необходимости придерживаться марксистских рамок. Западные ученые, которых никогда не сковывали идеологические требования, ограничивавшие свободу их советских коллег, обнаружили перед собой широчайшее поле для исследований. Не стоит удивляться, что история купцов стала важнейшей темой исторических исследований. Используя куда более распространенные источники XIX века, ученые постсоветского периода немало сделали для написания истории купцов в России. В Сибири произошел расцвет научных исследований⁴⁶. Подавляющее большинство этих трудов посвящено позднеимперскому периоду и написано в триумфальном тоне, что совершенно понятно: российские ученые стремятся реабилитировать оклеветанный класс. В 1990-х годах, когда многие оптимисты считали, что Россия движется к рыночной (не чрезмерно зарегулированной) экономике, подобные исследования казались естественным поиском прошлого, опыт которого можно будет применить на деле.

Работы российских ученых по раннему Новому времени отстают по количеству, но компенсируют это качеством. Н. Б. Голикова (1914–2008) внесла самый важный вклад в изучение этой темы, тщательно установив членство в самом высокопоставленном классе купцов, среди гостей, которые становились таковыми, только получив от царя личную грамоту, а также в гостинной сотне – втором по значимости классе купцов⁴⁷. Ее труд «Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVII в.» представляет собою скорее энциклопедию, нежели монографию; это труд, который, опираясь на эмпирические факты, предлагает качественно новую интерпретацию привилегированных купеческих классов России⁴⁸. Второй том, опубликованный уже после смерти исследовательницы, посвящен месту, которое привилегированные купцы занимали в российском обществе⁴⁹. Ее количественный анализ в значительной степени соответствует тем вопросам, которые наметил Сэмюэл Барон: кто были гости? Кто входил в число гостей (новые люди или представители привилегированных семей)? Как долго семьи оставались привилегированными? Ученицы Голиковой, Л. А. Тимошина и Н. В. Козлова, тоже издали ценные труды, посвященные купцам раннего Нового времени⁵⁰. В. Б. Перхавко, Т. А. Лаптева и Т. Б. Соловьева многое добавили к нашим знаниям о русских купцах в раннее Новое время⁵¹. За пределами России было проделано гораздо меньше работы. На английском языке купцам XVIII века был посвящен один труд, «История русского купца»

⁴⁶ Мало какие недавние труды обращаются к социальной и культурной стороне сибирской экономической жизни в раннее Новое время. Существующие работы по экономической истории в основном ограничиваются анализом товаров и цен. Историки, сосредоточившиеся на сибирской социальной жизни, уделяли первоочередное внимание военным и администраторам. Антропологи уделили местному населению больше внимания, чем историки.

⁴⁷ Третий привилегированный класс купцов, суконные сотни, не удостоился подробного исследования Голиковой или Барона. По всей видимости, в конце XVII века эта группа была включена в состав гостинной сотни.

⁴⁸ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации.

⁴⁹ *Голикова Н. Б.* Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI – первой четверти XVIII в. М.: СПб.: АЛЬЯНС-АРХЕО, 2012. Т. 2.

⁵⁰ Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой / Под ред. Л. А. Тимошиной и др. М.: Археографический центр, 1994; Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII вв. / Сост. Л. А. Тимошина. М.: Эдиториал УРСС, 2001. Т. 1; *Козлова Н. В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999; *Городская семья XVIII века: Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы* / Сост. Н. В. Козлова. М.: Изд-во МГУ, 2002.

⁵¹ Привилегированное купечество России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в.: сб. документов / Сост. Т. Б. Соловьева, Т. А. Лаптева. М.: РОССПЭН, 2004; *Перхавко В. Б.* Первые купцы российские. М.: Русское слово, 2006; *Перхавко В. Б.* Первые московские купцы // Преподавание истории в школе. 1994. № 2. С. 4–6; *Перхавко В. Б.* Торговый мир средневековой Руси. М.: Academia, 2006; *Перхавко В. Б.* История русского купечества. М.: Вече, 2008.

Дэвида Рэнсела, и несколько статей⁵². За редким исключением, ракурс недавних трудов, посвященных купцам, чисто русский⁵³. Кроме того, нарратив неудачи продолжает быть весомым, несмотря на вмешательство Пола Бушковича.

Мой труд вступает в яркий мир постсоветского историописания. Вкратце, эта книга осуществляет два базовых вмешательства в историографию истории России. Во-первых, она стремится к пересмотру выводов Сэмюэла Барона, считавшего, что государство надело смиренную рубашку на экономический рост. Во-вторых, необходимо пересмотреть оценку российских купцов как крайне пассивных и опасаящихся идти на риск. Описывая их именно такими, Барон непосредственно заимствовал оценки двух враждебно настроенных авторов XVII века – шведского дипломата Иоганна Кильбургера и московского «диссидента» Григория Котошихина. Их отзывы были взяты на вооружение и русским историком С. М. Соловьевым, жившим в годы, когда дискуссия западников и славянофилов достигла своей кульминации. Таким образом, и западная, и российская историография в равной степени распространяли ограниченный, искажающий реальность и крайне немилосердный взгляд на русских купцов.

До той степени, до которой эти характеристики были верны, они касались многих купцов раннего Нового времени по всему миру. Разумеется, русские купцы были консервативны. Но идея о том, что стремление избежать риска было отличительной чертой русских купцов, рассыпается при более близком знакомстве с темой. Нормальными задачами были прежде всего стабильность, а через некоторое время после этого статус. Многие купцы стремились покинуть свой класс, если у них была к этому возможность. Стремление купцов избавиться от уязвимости денег, приобретя статус и стабильность землевладельца, в ретроспективе смотрится глупо, потому что мы знаем, что ликвидность стала высшей мерой власти. Но никто не действовал, обладая всей информацией. Этот импульс был столь же верным для русских купцов, добровольно плативших налоги, которые им были не по карману, лишь бы сохранить высокий статус и позволить, таким образом, своим детям посещать определенные школы, как и для итальянских купцов раннего Нового времени, которые возвышались до того, что покупали усадьбы в окрестностях города⁵⁴. Итальянский пример показывает, что национальная историография была слишком сурова не только по отношению к русским. Итальянские города-государства были «покинуты своими коммерческими элитами, которые на протяжении XVI, XVII и XVIII веков совершали то, что можно было назвать разве что „изменой“». Они не предприняли ни единой попытки оживить торговую, финансовую и промышленную основу своих городов и удалились в сельскую местность как неодворянские землевладельцы в рамках „повторной феодализации“ итальянской сельской экономики»⁵⁵.

Другие исследователи тоже недавно подчеркнули консерватизм европейских купцов раннего Нового времени и их склонность к избеганию рисков; на протяжении долгого времени семейные отношения и экономика, строившаяся на подарках, были более распространены среди этих купцов, чем «рациональное управление»⁵⁶. Альфред Рибер винил русских купцов в том, что они не ценили высшее образование, но «Универсальный словарь торговли и коммерции», опубликованный в Лондоне в 1774 году, сообщал, что помимо арифметики, бухгалтер-

⁵² *Ransel D.* A Russian Merchant's Tale. Bloomington, IN, 2008; *Bernstein L.* Russian Eighteenth-Century Merchant Portraits in Words and Oil // *Slavic and East European Journal*. 2005. Vol. 49. № 3. P. 407–429.

⁵³ Исключения: *Демкин А. В.* Западноевропейские купцы и их товары в России XVII века. М.: ИРИ, 1992; *Демкин А. В.* Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М.: Б. и., 1992; *Kotilaine J. T.* Russian Merchant Colonies in Seventeenth-Century Sweden // *Merchant Colonies in the Early Modern Period* / Ed. by V. Zakharov, G. Harlaftis, O. Katsiard-Hering. London: Routledge, 2012. P. 85–101. Это наблюдение не относится к многочисленным трудам, посвященным торговле России с иностранными государствами.

⁵⁴ *Rieber A.* Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Charlotte, NC: University of North Carolina Press, 1982.

⁵⁵ *Musgrave P.* The Early Modern European Economy. N. Y.: Palgrave Macmillan, 1999. P. 114.

⁵⁶ *Duplessis R. S.* Review of The Early Modern European Economy, by Peter Musgrave // *Journal of Economic History*. 2000. Vol. 60. № 3. P. 877–878.

ского учета, иностранных языков и иностранной истории будущие купцы не должны ничему учиться. Такие предметы, как «латынь, грамматика, риторика и философия», оказались не только «бесполезны, но и очень вредны»⁵⁷. Если в Цинском Китае купец, наживший состояние на соли, начинал покровительствовать учености, его обвиняли в том, что он выбрасывает на ветер семейное богатство⁵⁸. Аналогичные открытия касательно государственного регулирования показывают, что Московия не так уж сильно отличалась от других стран. Ее часто обвиняют в ксенофобии и изолированности, но обращение с купцами, приехавшими издалека, в Москве было в высшей степени дружелюбным по сравнению с теми ограничениями и проверками, с которыми сталкивались купцы, приехавшие в XVII столетии в Колонию Массачусетского залива⁵⁹. Что особенно важно, внимание к государственному вмешательству и патронажу в западноевропейских экономиках раннего Нового времени угрожает затмить собой упор на спрос, предложение и дух готовности к рискам, который, согласно классической теории политической экономии, подарил Западной Европе ее особое место в мировой истории⁶⁰. Эти примеры приводят нас к главной беде исторических трудов о русских купцах, написанных российскими имперскими исследователями и западными авторами времен холодной войны. Они делали непродуктивные сравнения. Такие ученые имперского периода, как С. М. Соловьев, видели русских купцов через призму внушенного комплекса неполноценности, оставшегося в наследство от Петра Великого⁶¹. Такие ученые времен холодной войны, как Барон, сравнивали русских купцов с веберовским идеалом капиталистического поведения, не имевшим особенного сходства с реалиями того времени⁶².

Хотя я и настаиваю на пересмотре сложившихся представлений о коммерческой культуре в Московии, я чувствую себя неуютно перед лицом опасности, что меня сочтут апологетом империи: я не вижу в гостях героев, нуждающихся в реабилитации, и я не хотела бы считать самым ценным достижением своей работы пересмотр стереотипов, сложившихся во время холодной войны. Мне скорее кажется, что самым продуктивным вкладом моей книги может стать потенциальная возможность лучше поместить русских купцов в контекст истории раннего Нового времени, что станет шагом к лучшей интеграции российской истории в более широкий мир-исторический нарратив. Один из недавних трудов, взявший на вооружение именно такой подход, – книга Бориса Кагарлицкого⁶³ «Периферийная империя», интерпретирующая историю Российской империи сквозь призму марксистского мир-системного подхода, с сильным упором на коммерческие и экономические вопросы⁶⁴. Московия не существовала в

⁵⁷ Rieber A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. P. 25; Postlethwayt M. The Universal Dictionary of Trade and Commerce. 4th ed. N. Y.: A. M. Kelley, 1971. Эта книга, впервые вышедшая в 1766 году, была переводом французского руководства, опубликованного при поддержке государства веком раньше: Savary J. Le parfait négociant, ou Instruction générale pour ce qui regarde le commerce des marchandises de France et des pays étrangers. Paris: Louis Billaine, 1675.

⁵⁸ Ping-ti Ho. The Salt Merchants of Yang-chou: A Study of Commercial Capitalism in Eighteenth-Century China // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1954. Vol. 17. № 1–2. P. 130–168.

⁵⁹ Bailyn B. The New England Merchants in the Seventeenth Century. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1955.

⁶⁰ Adams J. The Familial State: Ruling Families and Merchant Capitalism in Early Modern Europe. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005; Dechene L. Habitants and Merchants in Seventeenth-Century Montreal / Transl. by L. Vardi. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1992; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / Пер. Л. Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1988. С. 591.

⁶¹ Соловьев С. М. Московские купцы в XVII в. // Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 20. Дополнительные работы разных лет / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Мысль, 1996. С. 508.

⁶² См. несколько статей из числа собранных Бароном в двух сборниках: Baron S. H. Explorations in Muscovite History; Baron S. H. Muscovite Russia.

⁶³ Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

⁶⁴ Тексты, сознательно помещающие Московию в более широкий контекст, см.: Russia Engages the World, 1453–1825 / Ed. by C. H. Whittaker. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003; Kotilaine J., Poe M. Modernization in the Early Modern Context // Modernizing Muscovy. P. 1–7; Poe M. The Russian Moment in World History. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003; Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм, 2009; Ostrowski D. Interconnections: Russia in World History, 1450–1800. Unpublished manuscript, 2013.

изоляции от весомых перемен, влиявших на торговлю от Гудзонова залива до Китая. Каждая история уникальна, но исключительность России в раннее Новое время была преувеличена.

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ В МИРОВУЮ ИСТОРИЮ: ИСТОРИЯ КАПИТАЛИЗМА И ВЗЛЕТА ЗАПАДА

Тем временем в других областях историографии произошли не менее яркие изменения, делающие содержание этой книги значимым, а ее стремление поместить Россию в более широкий мировой контекст – актуальным. Вопрос подъема капитализма уже давно был чрезвычайно важен для крупных ученых⁶⁵. История капитализма начинается с Адама Смита, хотя он сам никогда не использовал этот термин. Классические политэкономисты считают Адама Смита, автора «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776), и Джона Стюарта Милля, автора «Оснований политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии» (1848), первыми знаменосцами классической политэкономии, которую часто сводят к отстаиванию свободы предпринимательства. Действительно, Смит весьма критично относился к меркантилистской политике, которую классические экономисты связывают с государственным вмешательством, а Милль в раннюю пору своей карьеры назвал подходящий налог «легкой формой грабежа», хотя из третьего издания «Оснований политической экономии» он эту фразу убрал⁶⁶. Однако Смит и Милль были озабочены не только описанной ими экономической динамикой, но и воздействием рынков на социальную и моральную ткань людей и общества. «Теория нравственных чувств» Смита, впервые опубликованная в 1759 году и пересмотренная в 1790 году, обсуждала неотъемлемое участие человека в собственных делах, в делах своей семьи и общины⁶⁷. В случае Смита «невидимая рука», впервые упомянутая в «Теории нравственных чувств», часто принимается за оправдание рынков и жадности. Однако «невидимая рука», под которой Смит понимал людей, действующих в своих интересах, что приводит к выгоде для общества в целом, была ограничена рамками того, что было важнее, – этических и моральных законов. Что до Джона Стюарта Милля, он в итоге заявил, что рабочие кооперативы лучше подойдут для организации промышленного капитала, чем ассоциации капиталистов.

Масштабные изменения в обществе и расслоение действующих лиц экономики (уже не зависевшее от положения в обществе), происходившие на глазах у Смита, Милля и Дэвида Рикардо (1772–1823), интенсифицировались в XIX веке и способствовали развитию социалистической мысли. «Ведь то, что более всего вызывает наше отвращение и негодование, все это здесь – новейшего происхождения, порождение промышленной эпохи», – писал Фридрих Энгельс об английском Манчестере в 1844 году⁶⁸. Для Карла Маркса (1818–1883), самого знаменитого теоретика социализма, вызванная индустриализацией травма общества, которую его спонсор и сотрудник Энгельс наблюдал на английских фабриках, стала играть ведущую роль. Зубы у его интеллекта прорезались в эпоху Гегеля, и Маркс разработал материалистическую теорию истории, в которой материальное положение обуславливало отношения в обществе и исторические перемены. В основе эксплуатации лежало отчуждение человека от плодов его труда, которое приводило к классовой борьбе – главному источнику перемен от одного этапа человеческой истории к другому. Все этапы были неизменными – феодализм, капитализм, социализм и коммунизм.

⁶⁵ *Smith A. The Theory of Moral Sentiments. London: A. Strahan, 1790. Original publication, 1759; Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Ed. by E. Cannan. London: Methuen & Co., 1904. Original publication, 1776. Попытки определить капитализм и составить его хронологию наполняют целые библиотеки.*

⁶⁶ *Mill J. S. The Principles of Political Economy, with Some of Their Applications to Social Philosophy. 7th ed. London: Longmans, 1909 (1-е изд. – 1848).*

⁶⁷ *Smith A. The Theory of Moral Sentiments. Part 1. Chapter 1. «On Sympathy».*

⁶⁸ *Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1955. Т. 2. С. 290.*

Влияние Карла Маркса на мышление и политическую деятельность нельзя недооценивать. Ключевые вопросы, которые он поднял, такие как роль материальных сил и общественных классов, формировали научные исследования на протяжении поколений. Большая часть последующей европейской экономической истории, если не вся она целиком, основывалась на марксизме: это был либо пересмотр его теории, либо разработка уточненных версий марксизма (Антонио Грамши, Иосиф Шумпетер, Франкфуртская школа, Луи Альтюссер), либо либеральная реакция на марксизм (Фридрих Хайек, Милтон Фридман, Дэвид Лэндис). Макс Вебер (1864–1920), автор «Протестантской этики и духа капитализма» (1904–1905), сочувствовал многим тревогам Маркса по поводу современности, но отвергал его материализм и детерминизм. Он искал корни капитализма в культурной сфере религии и идеалов и обнаружил «дух капитализма» в протестантской эстетике. Альберт Хиршман, в свою очередь, выдвинул точку зрения, по которой преследование собственных интересов и получение в результате прибыли легитимны в рамках католической традиции, считающей их меньшим из зол, к которому человек испытывает влечение⁶⁹. Другие считали, что легитимизацию стремления к выгоде обусловила не культура, а политика – рост абсолютистских монархий, подчинивших торговлю государственным интересам и в своей риторике соединивших коммерческое процветание с добродетелью⁷⁰. Материалисты тоже признали, что некоторые компоненты надстройки должны играть важнейшую роль в объяснении капитализма. После влиятельного ревизиониста, итальянского марксиста Антонио Грамши (1891–1937), про идеологию уже не забывают.

В XXI веке мы сталкиваемся с глобализацией, кажется, на всех уровнях общества. Чародеи с высокой капитализацией посылают стремительный поток транзакций прямо со своей клавиатуры и дестабилизируют реально существующие рынки; если же спуститься по шкале богатства намного вниз, денежные переводы «маленьких людей», отправляемые через океаны в помощь оставшейся дома семье, складываются вместе в масштабное движение капитала. Если многие историки XX века подчеркивали важность производства – книга Джозефа Фурмана со смелым названием «Происхождение капитализма в России» представляет собой информативную историю русских фабрик⁷¹, – то те, кто изучает капитализм в XXI веке, обращают больше внимания на связи. Глобальные учреждения, глобальные переводы, «транснациональные» движения привлекли внимание современных аналитиков находящегося в постоянной трансформации мирового экономического порядка. Почти все сходятся во мнении, что период раннего Нового времени, несмотря на очень неудачное название, был временем, когда линии глобальных связей умножились и укрепились, дальняя торговля стала в меньшей степени сводиться к предметам роскоши и больше ориентироваться на (прото) «массовые» рынки; все это, однако же, не равнозначно утверждению, что именно в эту эпоху Запад стал богатейшим уголком планеты.

Главный стоящий за всем этим вопрос – проблема взлета Запада. Эта тема наполняет библиотеки и продолжает вызывать жаркие дискуссии. Адам Смит и Карл Маркс увидели перелом в развитии мирового экономического порядка в XVI веке, когда появились колонии в Новом Свете. В 1960-х годах западные либеральные историки, отвергшие марксистскую парадигму, обратились к политике и нашли ответ в «кризисе семнадцатого столетия», что внесло свой вклад в европоцентричную модель, основанную на идее европейской исключительности⁷². Амбициозный трехтомный труд Броделя «Цивилизация и капитализм» (1955–1979),

⁶⁹ Hirschman A. O. *The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism before Its Triumph*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

⁷⁰ См.: Takeda J. *Between Commerce and Crown: Marseille and the Early Modern Mediterranean*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2011. P. 5–7. Chapter 2.

⁷¹ Fuhrmann J. T. *Origins of Capitalism in Russia*. Chicago: Quadrangle Books, 1972.

⁷² Trevor-Roper H. *The General Crisis of the Seventeenth Century: Religion, Reformation, and Social Change*. Indianapolis, IN: Harper & Row, 1967; *The General Crisis of the Seventeenth Century* / Ed. by L. Smith, G. Parker. London: Routledge, 1997; *De*

расширяя постмарксистскую парадигму школы Анналов, показал необходимость понимать метасвязи, не упуская из виду простых людей. Бродель (1902–1985) документировал мировую торговлю, принимая во внимание глубокие структуры (среда), средние (учреждения) и поверхностные (события), дав им интерпретацию, которая была яркой, провокационной, пронищательной и антикапиталистической – но не марксистской. Мир-системная теория Иммануила Валлерстайна, сформировавшаяся под сильным влиянием марксизма, хотя и вышедшая за рамки исторического материализма, – рискуя сильно упростить, можно назвать ее географическим приложением марксистской классовой борьбы, – прозвучала очень критично по отношению к горделивому нарративу «взлета Запада», но по-прежнему отнесла начало современного капитализма к XVI столетию.

Другие школы сделали больше для дестабилизации этого нарратива. Субалтерные исследования (*subaltern studies*) и работы в области мировой истории (*world history*) показали, что взлет Запада не был ни столь стремительным, ни столь уникальным, как это прежде считалось⁷³. (Впрочем, подобная сдержанность по отношению к европейской гегемонии противопоставлялась господству европейцев в Новом Свете, с энкомьендой и системой плантаций, использовавших труд рабов.) Европа обогнала остальной мир по демографическим и экономическим показателям не в XVI столетии, но позже – к этому выводу пришли менее европоцентристские исследователи, переименовавшие проблему взлета Запада в Великое расхождение (*Great Divergence*). Проанализировав параметры, указывающие на качество жизни, – продолжительность жизни, потребление калорий, – Кеннет Померанц и ученые, ставшие известными как Калифорнийская школа, выдвинули тезис, что до XIX века жизненный уровень Европейского континента мало чем превосходил жизненный уровень Китая или Османской империи⁷⁴. Датировка материального расхождения Востока и Запада оставалась предметом горячих дискуссий; такой видный экономический историк, как Ян де Фрис, утверждает, что переломный момент следует отнести к XVII веку⁷⁵.

Столь широкий спектр точек зрения о том, каким временем датировать подъем Запада и возникновение капиталистических экономик, позволяет предположить, что предстоит существенный пересмотр того, что именно произошло в раннее Новое время. Действительно, труды субалтерных исследователей показали, что эмпирически достоверные факты, считавшиеся таковыми в прошлые десятилетия, далеко не так достоверны. В более ранних исследованиях западное превосходство было скорее априорным допущением, чем концепцией, к которой задаются вопросы. Действительно, делать вывод, что отсутствие данных означает отсутствие активности – особенно в обширной сухопутной евразийской торговле, – ошибочно не в меньшей степени, чем делать выводы о норме, экстраполируя сведения из одного-единственного источника⁷⁶. Необходима глобальная перспектива – та, что не будет изучать одну лишь атлантическую экономику или одно лишь пространство Индийского океана; необходимы и объяснения, охватывающие матрицу экономики, технологического развития, политических учреждений, культурных атрибутов и их комбинаций. Например, с точки зрения де Фриса, проблема

Vries J. The Economic Crisis of the Seventeenth Century after 50 Years // *Journal of Interdisciplinary History*. 2009. Vol. 40. № 2. P. 151–194.

⁷³ The Rise of Merchant Empires: Long-Distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750 / Ed. by J. Tracy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990; The Political Economy of Merchant Empires / Ed. by J. Tracy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1991; Lieberman V. B. Beyond Binary Histories: Re-imagining Eurasia to c. 1830. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1999.

⁷⁴ Pomeranz K. The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. Важное замечание: специалисты по экономическому развитию времен холодной войны дискутировали о жизненном уровне.

⁷⁵ De Vries J. The Economic Crisis of the Seventeenth Century after 50 Years. P. 189–190, 194.

⁷⁶ Бен Файн называет это «горизонтальным пониманием». См.: Brewer J. The Error of Our Ways: Historians and the Birth of Consumer Society // *Cultures of Consumption*. Working Paper Series 8. 2004. June.

связана с государственными учреждениями. Его замечания по поводу плохого обращения Франции со своими купцами, а также апологетический текст Джека Голдстона об отказе продвинутых традиционных обществ вводить у себя инновации перекликаются с российской историей, где принято обвинять государство в экономической слабости России⁷⁷. Но Россия остается решительно за рамками значимых исследований, опубликованных академической прессой и посвященных купцам и торговле в раннее Новое время⁷⁸.

Другой тезис, рассмотренный в моем новом труде, – «упадок» сухопутных торговых сетей в Евразии⁷⁹. В классической интерпретации подъем компаний, занимавшихся морской торговлей, означал смертный приговор евразийской торговле, и началось это в XVI веке. Но историки поставили под вопрос эту точку зрения: Моррис Россابي и Скотт Леви указали на политическую нестабильность в Центральной Азии как на причину переориентировки торговых путей⁸⁰. Масштабные выводы оказались сделаны путем экстраполяции данных узкого круга источников или из-за отсутствия эмпирической информации о евразийской торговле, а также из-за недооценки того, до какой степени широким стало потребление⁸¹. История Ямыш-озера в главе 5 представляет картину процветающего узла сухопутной евразийской торговли в XVII столетии и подтверждает, что Россия заслуживает места в нарративах о взаимосвязанном мире.

Таким образом, значение этой истории простирается за пределы обширных владений Российской империи. Как бы ни характеризовать это государство или свободу в нем, Россия хотя бы уже благодаря своей географии (но и по другим причинам, как покажет эта книга) заслуживает места в нарративах о торговой экспансии раннего Нового времени в трансимперском или глобальном масштабе. Настоящая книга воздерживается от избитых формулировок «России и Запада», потому что можно достичь гораздо большего, анализируя Россию в контексте мира раннего Нового времени. Таким образом, книга пытается сделать маленький шаг в деле лучшего вписывания России и Сибири в мир раннего Нового времени⁸². К примеру, Россия была знаменита плохими дорогами – недостаток, увековеченный афоризмом: «В России две беды – дураки и дороги»⁸³. Но в сравнительной перспективе российские дороги были,

⁷⁷ См.: *De Vries J.* The Economic Crisis of the Seventeenth Century after 50 Years. P. 186; *Goldstone J.* The Problem of the «Early Modern» World // *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 1998. Vol. 41. № 3. P. 249–284.

⁷⁸ *Kotilaine J. T.* Review of *Tamozhennye knigi goroda Velikie Luki 1669–1676 gg.*, *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII veka* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2001. Vol. 2. № 3. P. 655–663.

⁷⁹ Классическую формулировку тезиса об упадке см.: *Steensgaard N.* The Asian Trade Revolution of the Seventeenth Century. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1974. Первоначально эта книга была опубликована под названием: *Steensgaard N.* Carracks, Caravans and Companies: The Structural Crisis in the European-Asian Trade in the Early 17th Century. Copenhagen: Studentlitteratur, 1973. Нильс Стенсгор отстаивал первенство английской и голландской морской торговли по сравнению с торговлей вразнос или аристократической и вымогательской португальской компанией. Следует отметить, что первые рецензенты сочли его монографический труд вызывающим и высокоинтеллектуальным, но критиковали европоцентризм авторского подхода и не были вполне убеждены его доводами. См. рецензии: *Digby S.* Review of *Carracks, Caravans and Companies: The Structural Crisis in the European-Asian Trade in the Early 17th Century*, by N. Steensgaard // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* University of London. 1975. Vol. 38. № 1. P. 198–200; *Lehman F.* The Asian Trade Revolution of the Seventeenth Century. The East India Companies and the Decline of the Caravan Trade. by Niels Steensgaard // *Pacific Affairs.* 1975. Vol. 48. № 3. P. 436–437; *Busch B. C.* The Asian Trade Revolution of the Seventeenth Century. The East India Companies and the Decline of the Caravan Trade, by Niels Steensgaard // *Middle East Journal.* 1975. Vol. 29. № 3. P. 367–368.

⁸⁰ *Rossabi M.* The «Decline» of the Central Asian Caravan Trade // *The Rise of Merchant Empires: Long-Distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750* / Ed. by J. Tracy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990. P. 351–370; *Levi S. C.* India, Russia, and the Eighteenth-Century Transformation of the Central Asian Caravan Trade // *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 1999. Vol. 42. № 4. P. 519–548. Reprinted in: *India and Central Asia: Commerce and Culture, 1500–1800* / Ed. by S. C. Levi. N. Y.: Oxford University Press, 2007. P. 93–122.

⁸¹ Яркие возражения против тезиса об упадке см.: *Frank A. G.* ReOrient: From the Centrality of Central Asia to China's Middle Kingdom // *Rethinking Central Asia: Non-Eurocentric Studies in History and Social Structure, and Identity* / Ed. by K. A. Erturk. Reading, UK: University of Utah Press, 1999. P. 11–38.

⁸² См.: *Ostrowski D.* Toward the Integration of Early Modern Russia into World History // *Eurasian Slavery, Ransom and Abolition in World History* / Ed. by Ch. Witzentrath. Aldershot, UK: Routledge, 2015.

⁸³ Происхождение фразы неизвестно. Ее приписывают Николаю Гоголю и историку Н. М. Карамзину.

возможно, не так уж плохи потому, что другие дороги были не лучше. Во Франции «даже в восемнадцатом столетии дороги из Амьена – одного из главных городов Франции XVII–XVIII веков – в порт Сен-Валери-сюр-Сом были так плохи, что купцы нередко платили местным землевладельцам за разрешение провезти свои повозки по вспаханым полям, а не по главной дороге»⁸⁴.

Вопрос о российской «отсталости» бесплоден и плохо сформулирован, как и мучительные пререкания русских об отношениях России с Западом, но историография истории России должна разобраться с собственной «дискуссией о расхождении». Это вопрос о том, когда российская политэкономия разошлась с западной. Конечно, «Запад» как историческая категория – проблемная конструкция. Возможно, лучше будет сформулировать вопрос, когда российская политэкономическая стратификация разошлась со стратификацией в обществах, где появился «здоровый» средний класс, материально обеспеченный и участвующий в политическом процессе. Разумеется, на такие масштабные вопросы нельзя ответить без учета политических и культурных различий, различий в политэкономии и коммерческой практике. Настоящая книга, проливая свет на природу коммерческой жизни в России раннего Нового времени, вносит вклад в реконструкцию истории российской политэкономии и коммерческой культуры и, таким образом, делает шаг к пониманию исторической проблемы отсутствующего в России среднего класса. Найти правильный ответ стало труднее еще и потому, что в результате советского эксперимента Россия не была включена в «нормальные» западные историографические траектории (поразительная близорукость части западных ученых, особенно если принять во внимание, что в XX веке значительная часть мира стала социалистической). Отказ от традиционных, универсальных исторических траекторий стал краеугольным камнем постмодернистских обращений к изучению истории: каждое место само по себе, а Гегелю места нет; нет единого исторического пути развития. Надо выбирать субъективность и фрагментацию, дабы не быть одураченным теми, кто претендует на истину. Однако эти принципы постмодернистской мысли не особо помогли в деле возвращения России в более широкий исторический нарратив. В самом деле, поле исследования, в котором большинство источников были написаны монахами и государственными клерками (дьяками), не слишком привлекательно для историков культуры, выросших в светскую эпоху.

В зависимости от ракурса история взлета Запада является рассказом или о триумфальном шествии, или об агрессивном империализме. Вне зависимости от того, что в нем видится, – расширение богатства, свободы и счастья или джаггернаут капиталистической эксплуатации, европейцы покорили немалую часть Нового Света, а те страны, где они не поселились, оказались под их экономическим и политическим воздействием. В незаконченных исторических дебатах, окружающих эти вопросы, изучение России позволяет сказать новое слово. Россия не развила ни политических учреждений, основанных на представительстве (как и большинство европейских стран в раннее Новое время), ни обширной литературной культуры. Но несмотря на всю ее пресловутую отсталость, европейцы так и не завладели Московией, хотя некоторые хотели бы. В Смутное время (1598–1613), травматический период, когда Московия перенесла голод, пресечение династии, иностранную оккупацию и гражданскую войну, планы колонизации Московии Якова I были скорее мечтой курильщика опиума, чем реальным стратегическим планом, но даже если оставить этот несущественный эпизод в стороне, вполне бесспорно, что взгляд английских купцов на Московию был империалистическим⁸⁵. Когда в 1570-х годах в Англию в роли торгового представителя царя приехал привилегированный купец Осип Непея, английские придворные сочли его образцом поведения, а члены Московской компании обви-

⁸⁴ *Musgrave P.* The Early Modern European Economy. P. 99.

⁸⁵ *Dunning Ch.* James I, the Russian Company, and the Plan to Establish a Protectorate over North Russia // *Albion*. 1989. Vol. 21. P. 206–226.

нили его в упрямстве. Очевидно, он был виновен в том, что пытался договориться о равноправии России⁸⁶. Если поместить этот эпизод в более широкий контекст, встает вопрос: что такого было во встрече Московии и Англии, что привело к совершенно иным последствиям, чем встреча Индии с Англией, ведь Англия в обоих случаях продемонстрировала тенденцию к империализму? Индийская экономика, вероятно, превосходила московскую как масштабом, так и энергичностью. Но получилось так, что на жарком и влажном субконтиненте высшие классы пьют горячий чай с молоком во второй половине дня и говорят по-английски с британским акцентом. В России это не так: чай пьют черным и делают это при любой возможности. Эта каждодневная привычка играет роль синекдохи, наглядно показывающей, что в двух странах английские империалистические устремления привели к совершенно различным последствиям.

Одним из аспектов этой встречи стало то, что европейцы не сумели оценить суровое геополитическое испытание, из которого родилась Московия⁸⁷. Возможно, в ряде вопросов – формальное образование, печатная культура, мода, потребление – москвиты показались европейцам примитивными. Но сообразительная Московия была далеко не так необразованна в конкурентной евразийской геополитике, схематично раскрытой в главе 2. Возможно, если более отчетливо поместить русскую торговлю в социально-экономический контекст раннего Нового времени и пролить свет на жизнь купцов раннего Нового времени во Внутренней Евразии, это поможет сделать более понятным Великое расхождение. Может быть, эта заявка является чересчур смелой; но настоящая книга, по крайней мере, делает шаг в направлении интеграции России в мировые исторические нарративы. Я стремлюсь поместить сибирскую экономику в контекст российской, евразийской и расширяющейся глобальной экономики раннего Нового времени и осветить ее вклад, который остался на удивление малозаметным в историографии. Что до российской отсталости, я предполагаю, что это вопрос конца XVIII – XIX века; в раннее Новое время Россия не так уж отличалась⁸⁸.

⁸⁶ *Baron S. H. Osip Nepea and the Opening of Anglo-Russian Commercial Relations // Baron S. H. Muscovite Russia.*

⁸⁷ См.: *LeDonne J. The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment.* N. Y.: Oxford University Press, 1997.

⁸⁸ См., например: *Kivelson V. A. Merciful Father, Impersonal State: Russian Autocracy in Comparative Perspective // The Eurasian Context of the Early Modern History of Mainland South East Asia, 1400–1800. Special issue. Modern Asian Studies.* 1997. Vol. 31. № 3. P. 635–663.

ОБ ИМПЕРИИ

Имперский поворот стал толчком к появлению множества ценных трудов по российской истории. Одним из продуктивных направлений стало изучение простых людей, которые строили империи и участвовали в них. Русские военные дружины были не единственными носителями империализма; Виллард Сандерленд утверждал, что русских крестьян как колонизаторов обошли вниманием, потому что они не накапливали достаточного богатства и не повышали свой статус в такой степени, чтобы их можно было заслуженно считать эксплуататорами⁸⁹. Роль купцов в истории России и российской экспансии заслуживает места в рассказе о функционировании империй. Котилайне называл иностранных купцов «акушерками» империи, и этот термин можно применить ко всем купцам в Сибири⁹⁰. Англоязычные историки, как правило, следовали за русскими и упоминали о роли русских промышленников (тех, кто занимался меховым промыслом), не проводя дальнейших связей с московской торговлей в раннее Новое время. Однако в этом движении участвовали частные купцы с очень разным уровнем капитализации. В то время как второразрядных купцов, о которых пойдет речь в главе 8, часто посылали в Сибирь заниматься государственными делами, гости, действовавшие в Сибири, о которых будет рассказано в главе 6, в подавляющем большинстве случаев делали это в рамках собственных предприятий. Если промышленники сами не являлись купцами, они продавали купцам свои меха.

Другое важное направление поисков сформировалось вокруг вопроса: «Что в первую очередь двигало Российской империей – прагматизм или идеология?» Эдуард Л. Кинан крайне многословно сформулировал этот вопрос в своей эпохальной статье «Московские политические нравы», где он постулировал модель, в рамках которой православная риторика останавливалась на пороге Боярской думы. Майкл Ходарковский, напротив, в своих «Степных рубежах России» утверждает, что двигателем российской экспансии была идеология⁹¹. Когда, наконец, покорение обширных просторов Евразийской степи стало возможным, москвиты взялись за этот проект как за нечто вроде крестового похода. С другой стороны, Брайен Боук, следуя за своим наставником Кинаном, видит рост и поддержание Российской империи как нечто скорее прагматичное. Его труд, посвященный донским казакам, показывает, сколько раз Москва отступала на своих южных рубежах и, что еще более существенно, сколько раз она шла на уступки неправославным игрокам. С точки зрения Бёка, Россия – империя, не унифицирующая и не построенная на русской православной культуре, а империя «персональных договоренностей»⁹². Таким образом, в вопросе, прагматичной или идеологической была империя, существуют две школы, в рамках которых противоположные позиции занимают Майкл Ходарковский и Брайен Бёк.

Мэтью Романьелло в своей книге «Неуловимая империя: Казань и создание Российской империи, 1552–1671 годы»⁹³ успешно продвинулся в направлении синтеза этих двух взглядов. В некоторых вопросах Романьелло почти возвращается к взглядам Кинана, говоря о центре, в

⁸⁹ *Sunderland W.* Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004.

⁹⁰ *Kotilaine J. T.* Russia's Foreign Trade.

⁹¹ *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2002. Русский перевод: *Ходарковский М.* Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / Пер. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

⁹² *Boeck B. J.* Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. N. Y.: Cambridge University Press, 2009.

⁹³ *Romaniello M. P.* The Elusive Empire: Kazan and the Creation of the Russian Empire, 1552–1671. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2012.

котором политика и религия занимали разные сферы (ах, как же это не соответствует постмодернизму), но у него более сложная картина. Романьелло утверждает, что в своей риторике, а также в своей центральной части империя была идеологически громогласной и православной, а на практике, а также на окраинах – более прагматичной и готовой идти на уступки. Он утверждает, что центр считал окраинное православное общество находящимся под своей юрисдикцией и был готов наводить там порядок, но вместе с тем не был готов «растрачивать» и без того скудную лояльность (или отсутствие восстаний) на окраинах, навязывая православие (то есть проявлял прагматизм). Романьелло показывает, что даже православная церковь отнюдь не была безжалостной машиной по обращению иноверцев. В интересах экономического благополучия монастыри Казанского края даже защищали неправославных крестьян от государственного принуждения, за что, возможно, были вознаграждены во время бурного восстания Стеньки Разина в 1670–1671 годах. Упор Романьелло и Боука на прагматизм выводит изучение России на одну линию с другими недавними исследованиями, посвященными империям раннего Нового времени и выдвигающими на передний план то, как империи руководили политикой различия⁹⁴.

Яркий пример того, как приверженность к православию смешивается с прагматизмом, – директива воеводам Верхотурья и Тобольска, отправленная из Москвы летом 1700 года. Письмо излагает противопожарные меры и инструкции по восстановлению после пожаров. Документ советует воеводам пользоваться пожарами, чтобы восстанавливать сгоревшие мечети подальше от православных церквей. В этих делах инструкции предписывают воеводам руководствоваться своим суждением и «учинить не вдруг, а смотря по тамочному состоянию и доброму случаю, а чтоб русским людям и иноземцам, когда не в тягость»⁹⁵. Настоящая книга добавляет еще один слой к пониманию ислама в Российской империи, изучая мусульманских купцов в Сибири, и демонстрирует прагматизм, которого придерживалось православное русское правительство в Сибири.

Знакомство с управлением в центре и на периферии делает очевидным одновременность государственного и имперского строительства в России. Сибирь была окраиной и оставалась таковой еще долгое время после установления русской власти. Писцы, купцы, солдаты и чиновники писали и говорили о Сибири как о территории, отличающейся от Московии (Московского государства); это были различные регионы, между которыми перемещались люди. Создание Сибирского приказа, когда его наконец в 1637 году отделили от Казанского приказа, сделало Сибирь отдельной административной единицей⁹⁶. Но еще более важным, чем особенности управления Сибирью, было то, что включение Сибири в состав Российского государства практически не отделялось от создания самого государства. «Империя» – концепт, известный тем, как сложно его определить. Самое простое определение заключается в том, что это суверенное государство, которое правит разными народами. Кеннет Померанц уточняет это определение. В его формулировке империи – это «государства, в которых вожди одного общества также прямо или косвенно управляют как минимум еще одним обществом, используя инструменты, отличные от тех, что используются для управления соотечественниками (хотя не обязательно более авторитарные)»⁹⁷. Технически, если придерживаться этого определения, отношения России с Сибирью соответствуют понятию империи. Сбор дани был центральным сибирским пред-

⁹⁴ Burbank J., Cooper F. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010; Barkey K. *Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective*. N. Y.: Cambridge University Press, 2008. P. 3–27.

⁹⁵ Памятники сибирской истории XVIII века. 1700–1713. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. Кн. 1. Репринтное издание: Гаага, 1969–1970. № 12. С. 55–68. Особенно см.: С. 68.

⁹⁶ Еще до создания Сибирского приказа все присоединенные территории Сибири входили в состав Тобольского разряда, существовавшего до создания Сибирской губернии (1708), то есть являлись отдельной военно-административной единицей со своим разрядным воеводой. Тобольский разряд подчинялся до 1637 года приказу Казанского дворца. – *Примеч. науч. ред.*

⁹⁷ Pommeranz K. *Social History and World History: From Daily Life to Patterns of Change* // *Journal of World History*. 2007. Vol. 18. № 1. P. 87.

приятием (хотя в XVI веке дань собиралась и к западу от Урала). Неустойчивость российской гегемонии и хроническая нехватка населения приводили к тому, что в Сибири гораздо больше ощущалось военное присутствие. Демографические данные отличались, потому что соотношение мужчин-военных и женщин было гораздо более асимметрично в Сибири, чем в большей части Европейской России. Но это не было особенностью одной Сибири: военное присутствие было весьма заметным во многих пограничных городах за пределами Сибири⁹⁸. В Сибири возник другой режим собственности. Так сложилось, что в развитии Сибири не было обширных (а потом сильно уменьшившихся) поместий, пожалованных царем за службу. Вследствие этого в Сибири не было крепостного права – хотя различные формы рабства и принудительного труда были распространены повсеместно. Это всего лишь означало, что сибирские крестьяне были черносошными/пашенными крестьянами, платившими оброк в точности так же, как черносошные крестьяне в Европейской России. Хотя режим отличался, он действовал в соответствии с существующими категориями.

Несмотря на эти важные отличия, разница между Сибирью и Центральной Россией была скорее качественной, чем структурной. Административная структура в основе своей была сходной: и тут и там правили воеводы. Пост воеводы сохранился в Сибири даже после того, как он был отменен в Центральной России, – но царь ввел в Сибири то, что было в Европейской России нормой. Крестьяне платили оброк государству. В торговой сфере сходство было даже более очевидно. Европейская Россия и Сибирь были в равной степени покрыты сетью внутренних таможен, хотя на протяжении большей части XVII века к Сибири применялись иные правила⁹⁹. Таким образом, наиболее важная и бросающаяся в глаза черта России раннего Нового времени состоит в том, что государственное строительство и строительство империи не следовали одно за другим. Российское государство развивалось и развивало правительственные учреждения и нормы одновременно с расширением своей территории.

Лучшим доказательством этого служит краткий хронологический обзор. Когда Россия начала экспансию в Сибирь, это уже была империя; на протяжении почти двух столетий это государство не переставало расти и расширяться. Новгородские отряды промышленников добывали пушнину в Сибири по крайней мере с XIV века, задолго до основания Тюмени и Тобольска. Великие князья Московские начали принимать участие в сибирской лесостепной политике с начала XV века, задолго до того, как выдвинули откровенные претензии на суверенитет. Заявив о своем суверенитете в конце XVI века, Московия быстро создала цепь военных крепостей, еще до середины XVII века достигшую Тихого океана, хотя и в XVIII столетии московскую власть над Сибирью было кому оспаривать. С этого момента в Сибирь начали проникать поселенцы, медленно покрывая листьями голые ветви имперского присутствия. Эти процессы происходили параллельно кризисам, сформировавшим Российское государство. Добавим немного перспективы: восемь городов в Сибири были основаны до пресечения династии Рюриковичей в 1598 году и четырнадцать городов существовали к моменту коронации первого царя из династии Романовых в 1613 году. В 1571 году, всего за пятнадцать лет до основания Тюмени, татары сожгли саму Москву. Сибирские таможи работали при Борисе Годунове (1598–1605). Россия закрепилась на Тихом океане за десятилетие до принятия Соборного уложения в 1649 году. Параллельно с этими политическими событиями развивались административные, налоговые и надзорные учреждения, одновременно в Москве и в пограничье. При этом не столько центральные учреждения экспортировались в пограничье и там модифицировались, сколько уроки, полученные в пограничье, учитывались при дальнейшем развитии учреждений в центре.

⁹⁸ Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев: Тип. А. И. Гроссман, 1917. Т. 1.

⁹⁹ ПСЗ-1. № 1654. С. 494. Новоторговый устав 1667 года.

Опыт территориального завоевания и создания административных аппаратов влиял на центр не в меньшей степени, чем центр влиял на далекие земли. Когда Европейская Россия расширялась благодаря строительству пограничной линии, когда она консолидировала управление – государство всегда признавало в торговле важнейший источник дохода. Как на родине, так и за границей, или, в случае России, по другую сторону Урала, государства стремились регулировать экономический обмен. Торговля была важным средством получения доходов для казны и вместе с тем позволяла удовлетворить нужды населения страны, распространяя необходимые товары и предметы потребления. Доходы от налогообложения увеличивались пропорционально торговому потоку и повышению эффективности управления. Кроме того, государства могли получить огромные прибыли, участвуя в торговле напрямую. В Российской империи раннего Нового времени строительство империи не слишком отличалось от государственного строительства; эти два проекта были неразделимы.

Это наблюдение важно не только для Сибири. Как заметила Дженет Мартин, появляющиеся бюрократические структуры там «развивались во взаимодействии с нуждами территориально расширяющегося Московского государства»¹⁰⁰. Виллард Сандерленд отметил то же самое явление, изучая администрацию Российской империи в южных степях в XVIII веке: «Российский способ осуществлять власть в степи был основан на формах государственного строительства и присоединения, которые были столь же характерны для унитарных государств, как для империй... [Они всегда подчеркивали] безопасность, централизацию и административную интеграцию, вместо того чтобы сохранять и эксплуатировать территориально отдельную территорию»¹⁰¹. Вера Тольц, изучая политику русификации в XIX веке, отметила, что Российское государство использовало свои инструменты национального строительства на территории всей империи. «В такой сухопутной империи, как Россия, метрополия и имперская периферия были единым географическим пространством и, до определенной степени, единым политическим пространством»¹⁰². Джон Ледонн пришел к выводу, что Россия строила на своей периферии унитарное государство¹⁰³. Эти наблюдения возвращают всю силу старому афоризму: «У Великобритании была империя, а Россия была империей»¹⁰⁴.

Результаты моих исследований в высшей степени соответствуют этому наблюдению, подчеркивая тот факт, что сибирская торговля была важнейшим стимулом российской экспансии, а также элементарным атрибутом российской государственности. Настоящая книга представляет собой рассмотрение конкретного случая одновременного государственного строительства и строительства империи через линзу купеческих предприятий. Эта история, происходящая на евразийской окраине раннего Нового времени, рассказывается с местной точки зрения, а московские указы, определяющие государственную политику, предстают далеким фоном для соглашений и сделок на сибирской таможене. Прибыль была прибылью, и в Московии XVII века коммерческая деятельность была средством, порой обеспечивавшим Московскому государству больше половины его доходов, – тенденция, сохранившаяся и в последующие годы.

¹⁰⁰ *Martin J.* Medieval Russia, 980–1584. N. Y.: Cambridge University Press, 1995. P. 295.

¹⁰¹ *Sunderland W.* Taming the Wild Field. P. 227. Это наблюдение дополняет историографию более поздних периодов, утверждающую, что, как бы парадоксально это ни звучало, если вспомнить, какую роль национализм сыграл в российской и советской истории, строительство русской нации осталось незаконченным проектом. См.: *Hosking G. A.* Russia: People and Empire, 1552–1917. London: Harvard University Press, 1997; *Kotkin S.* Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000. N. Y.: Oxford University, 2001.

¹⁰² *Tolz V.* Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in Late Imperial and Early Soviet Periods. N. Y.: Oxford University Press, 2011. P. 24.

¹⁰³ *LeDonne J.* Building an Infrastructure of Empire in Russia's Eastern Theater, 1650s–1840s // *Cahiers du monde russe*. 2006. Vol. 47. № 3. P. 607. В унисон с этим звучит фраза Дэниэла Нексона, назвавшего державу Габсбургов не империей, а «сравнительно конфедеративной династической агломерацией». Цит. по: *Kollmann N. Sh.* Crime and Punishment in Early Modern Russia. N. Y.: Cambridge University Press, 2012. P. 20.

¹⁰⁴ *Hosking G.* The Freudian Frontier. *Times Literary Supplement*, March 10, 1995. Цит. по: *Plokhly S.* The Origins of the Slavic Nations. N. Y.: Cambridge University Press, 2006. P. 250.

Динамичная, централизующая и все время нуждающаяся в деньгах, новая династия Романовых была наделена политической смекалкой и склонна к поиску новаторских решений. Романовы продолжали опираться на рецепт, который уже работал: на торговлю. Поэтому первая и вторая главы объясняют, что торговля была жизненно важным сектором для Российского государства, необходимым как для самого его выживания, так и для его имперского проекта. На местах этот неослабевающий коммерческий импульс был соединением государственной и частной инициативы. Не менее важными, чем государственные действия, были действия отдельных купцов: некоторые из их историй рассказаны в шестой, седьмой и восьмой главах.

Часть первая. Торговля и империя

Глава 1

«РАДИ НАЖИВЫ И ЦАРЯ»: ТОРГОВЛЯ В РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Их [мероприятий, осуществлявшихся при первых Романовых] радикализм, ширина и объем действительно захватывали все внимание наблюдателя общественной жизни половины XVII века и заставляли думать, что все постановления страны в это время были направлены на коммерцию и торги.

*П. П. Смирнов. Экономическая политика*¹⁰⁵

Поскольку политику из политэкономии не выкинешь, эта глава рассмотрит подход государства к коммерции и покажет, что Московское государство сознательно продвигало торговлю. Возможно, оно делало это не теми способами, которые считаются эффективными в наше время; возможно, эти способы не были лучшими среди современных ему государств; но оно поступало именно так, в соответствии со своим пониманием. Его методы не отличались принципиально от методов других государств и империй раннего Нового времени. Эта глава рассматривает важные государственные учреждения, формировавшие торговый климат в России: общую стратегию, таможи, купеческие корпорации и государственные монополии. Купеческие корпорации и государственные монополии были способами, при помощи которых государство не только регулировало экономику, но и непосредственно в ней участвовало. Прежде чем мы перейдем к коммерческому пейзажу Московии, мы посвятим несколько страниц тому, чтобы поместить Киевскую Русь и Московию раннего Нового времени в соответствующие им контексты. Это позволит нам наглядно показать, что Московия была не столь изолированной и не столь изоляционистской, как ее иногда изображают; она имела больше общего с другими государствами раннего Нового времени, чем принято считать.

УХОД ОТ ДИХОТОМИИ «ВОСТОК – ЗАПАД»

«Россия – Запад» – эта дихотомия существует уже давно. Бесконечная метафизическая и психологическая дискуссия вокруг вопроса об отношении России к Европе привела к тому, что никто не обращает внимания, что первая просьба Ивана IV к Англии о военной помощи была связана с татарским нападением¹⁰⁶. Другими словами, заикленность на оспариваемой европейской идентичности России – «невразумительная и бесполезная дихотомия Восток/Запад», как сказала Валери Кивельсон¹⁰⁷, – затенила тот факт, что Россия долго находилась в геополитическом контексте, ориентировавшем ее и в других направлениях. У нее были грозные соседи к югу, востоку, западу и северу, поэтому динамика раннего Нового времени никогда не сводилась к вопросу о России и Западе.

¹⁰⁵ Смирнов П. П. Экономическая политика Московского государства в семнадцатом веке // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Киев: Изд. кн. маг. Н. Я. Оглоблина, 1912. Т. 3. С. 404.

¹⁰⁶ Fuhrmann J. T. Origins of Capitalism in Russia. Эту тему ранее раскрыла И. И. Любименко. См.: Валк С. Н. Инна Ивановна Любименко // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. Труды ЛОИИ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Вып. 2. С. 485.

¹⁰⁷ Kivelson V. A. On Words, Sources, Meanings. P. 496.

Экономические связи никогда не позволяли славянским княжествам на восточном краю Европы оказаться в полной изоляции от западных соседей. Московские экономические связи с Западной Европой по Балтийскому морю и через западные границы, пусть они тонки как паутина, все равно могут быть прослежены до древних времен. В Каролингскую эпоху Русь была главной артерией, по которой Европы достигали меха и товары с Востока, проходившие через Каспийское и Черное моря¹⁰⁸. Начиная с IX века основатели-викинги перевозили звонкую монету и товары по речным артериям между Константинополем, который славянские источники называли Царьградом, и Скандинавией¹⁰⁹. Новгород стал оживленным средневековым рынком, который часто посещали купцы из Европы и из таких далеких краев, как Центральная Азия. Впрочем, его связи с миром пострадали, когда в конце XV века (в 1494 году) великий князь Иван III изгнал из Новгорода надменных купцов Ганзейского союза¹¹⁰. Кроме Балтийских ворот, издавна существовал сухопутный путь через польские и немецкие земли. В 1489 году купец Демьян Фрязин пересек Литву с ценным жемчугом и восточными коврами¹¹¹. Хотя эти сухопутные пути слабо задокументированы, есть версия, что наибольшая часть торговли шла по ним в силу отсутствия таможенного регулирования¹¹². (Важным торговым пунктом было Черное море, но мы пока не будем говорить о южном направлении.)

В действительности Россия никогда не оставалась наедине с Западом. И дело не только в этом. Культурно-исторический переход, в рамках которого Россия признала свою отсталость от Европы, привел к утрате знания об этих связях. Когда первые европейские картографы приехали в Московию, желая картографировать весь мир, начался процесс утраты былых знаний. В то самое время, когда москвиты вновь сообщали западноевропейским картографам о существовании Аральского моря, они умудрились «забыть», что Азию от Северной Америки отделяет водное пространство¹¹³. Юрий Крижанич, хорватский священник, сосланный в Тобольск в середине XVII века, сообщил, что «было и другое сомнение: соединено ли Ледовитое море с Восточным океаном, омывающим с востока Сибирь... Сомнение это в последнее время было разрешено воинами Ленской и Нерчинской областей: они... прошли всю эту страну до самого океана и утверждают, что к востоку нет никакой твердой земли и что сказанные моря ничем друг от друга не отделены, но что Сибирь, Даурия, Никания и Китай (или Сина) с востока омываются одним сплошным океаном»¹¹⁴. Но прошло полвека, и датчанину Витусу Берингу было поручено определить, соединяются ли Азия и Северная Америка. Известие о том, что русский Семен Дежнев в ходе экспедиции, профинансированной русским купцом Василием Гусельниковым, обогнул северо-восточный берег Евразии в 1648 году, было «вновь обнаружено» Миллером в Якутском архиве в 1736 году¹¹⁵.

Попытки оспорить приговор «отсталости» и «нормализовать» русскую историю в сравнении с западными традициями восходят к западникам XIX века. В 1952 году Роберт Уильямс

¹⁰⁸ *Houtte J. A. An Economic History of the Low Countries, 800–1800. World Economic History / Ed. by Charles Wilson. London: Weidenfeld and Nicolson, 1977. P. 18.*

¹⁰⁹ *Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus'. N. Y.: Routledge, 1996. Монеты происходили из городов Фризии и Мааса, возможно, и из других мест. Houtte J. A. An Economic History of the Low Countries. P. 51.*

¹¹⁰ *Esper T. Russia and the Baltic, 1494–1558 // Slavic Review. 1966. Vol. 25. № 3. P. 458–462.*

¹¹¹ *Martin J. Muscovite Travelling Merchants: The Trade with the Muslim East (15th and 16th cc.) // Central Asian Survey. 1985. Vol. 4. № 3. P. 34.*

¹¹² *Bushkovitch P. The Merchants of Moscow, 1580–1650. N. Y.: Cambridge University Press, 1980.*

¹¹³ См.: *Бартольд В. В. Сочинения. Т. III. Работы по исторической географии. М.: Наука, 1965. С. 90.*

¹¹⁴ *To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion / Ed. and transl. by B. Dmytryshyn, E. A. P. Crownhart-Vaughan, T. Vaughan. Vol. 1. Russia's Conquest of Siberia, 1558–1700. Portland, OR, 1985. № 113. С. 441.*

¹¹⁵ *Lantzeff G. V., Pierce R. A. Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. Montreal: Queen's Press, 1973. P. 190; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: сб. документов / Сост. Н. С. Орлова. Под ред. А. В. Ефимова. М.: Географгиз, 1951. С. 167–180 (на с. 167–180 находятся документы № 41–54); *Оглоблин Н. Н. Семен Дежнев (1638–1671 гг.): Новые данные и пересмотр старых. СПб.: Тип. Балашева, 1890. С. 1, 16.**

Дэвис утверждал, что своим экономическим развитием Киевская Русь в XII веке превосходила многие европейские страны, в том числе Францию и Англию¹¹⁶. «Сравнительный анализ традиционно не был благосклонен к русской истории», проницательно и с юмором заметила Валери Кивельсон, в то время как аргументы в пользу характеристики русской политической культуры как менее самодержавной и более склонной к консенсусу встречали враждебное отрицание¹¹⁷. ИмPLICITно или эксплицитно, но по сравнению с Англией и Голландской республикой раннего Нового времени Россия была безнадежно отсталой страной. И даже тот факт, что ученые утверждают исключительность Англии и Нидерландов как двух экстраординарных коммерческих центров силы в раннее Новое время, мало повлиял на убеждение, что экономика и культура России были отсталыми¹¹⁸. Далее мы поместим Московию в глобальный контекст, схематично перечислив ее известные связи с более широким миром.

ПЕРЕСМОТР МЕСТА РУСИ В МИРЕ

Торговля как средство получения прибыли и регулирование торговли восходят в русской традиции к древним временам. Скандинавы, путешествовавшие на дальние расстояния в поисках возможностей, основали династию Рюриковичей, которая правила Россией чуть больше шестисот лет. Новгород и Киев возникли как торговые города, принимающие участие в торговле на Шелковом пути и продающие продукты европейских лесов, они поддерживали связь с немецкими торговцами тканью и космополитическим Константинополем и в соответствии с этим регулировали торговлю¹¹⁹. Князь Юрий Долгорукий (1099–1157) заслужил свое прозвище многочисленностью налогов, которые ему удавалось собрать. Вспомним знаменитую историю из Повести временных лет о великом князе Владимире, который, рассматривая вопрос о введении монотеизма в своем государстве, отправил послов во всех направлениях, чтобы узнать о религиях своих соседей. Славянские княжества воевали и торговали с Булгарским царством, основанным на Волге в X веке¹²⁰.

Политические связи шли рука об руку с экономическими. Средневековые князья Рюриковичи часто заключали браки между своими детьми и западными принцами и принцессами. Христиан Раффенсбергер показал, что более трех четвертей (77%) из пятидесяти двух известных династических браков были со странами к западу от Руси¹²¹. В XI веке Владимир Мономах женился на дочери Гарольда, последнего англосаксонского короля Англии¹²². Даниил, князь Галицко-Волынский (1201–1264), стремясь создать противовес монгольской власти, пытался заключить брачные союзы между своими детьми и правящими династиями Венгрии, Австрии и Литвы. Кроме того, он установил тесные связи с папским престолом. Дальние связи существовали и в других славянских княжествах региона. В 1269 году Новгород заключил договоры с Готландом, Любеком, Ригой и другими немецкими городами, установив правила, регулировавшие посещение Новгорода иностранными купцами¹²³.

¹¹⁶ Davies R. W. Revisions in Economic History: XIV. Russia in the Early Middle Ages // *Economic History Review*, New Series. 1952. Vol. 5. № 1. P. 116–127.

¹¹⁷ Kivelson V. A. Merciful Father, Impersonal State. P. 635. См. дискуссию между Маршаллом По и Кивельсон в: *Poe M. The Truth about Muscovy*. P. 473–499.

¹¹⁸ Goldstone J. The Problem of the «Early Modern» World.

¹¹⁹ Martin J. Medieval Russia. P. 62–76; Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus'.

¹²⁰ Martin J. Medieval Russia. P. 14–16, 68–70.

¹²¹ Raffensberger C. Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012. P. 47.

¹²² Davies R. W. Revisions in Economic History. P. 123.

¹²³ Martin J. Medieval Russia. P. 152, 167.

Крепкие дипломатические и торговые связи Киевской Руси с большим миром заставили историка Василия Осиповича Ключевского назвать ее «торговым государством», а «Русскую правду» – сводом законов торговой столицы¹²⁴. Хотя то, в какой степени Москва была исторической наследницей Киева, вопрос дискуссионный, но для наших целей эти экономические связи весьма важны. В период раздробленности (с XI по XIV век) русские княжества, находившиеся на севере, шли киевским путем. Клирики регулярно курсировали между Москвой, Грецией и Стамбулом, и их заботы простирались как на церковные, так и на коммерческие вопросы. Связи со Стамбулом были лишь самым очевидным примером того, как Москва присвоила исторические связи древней Киевской Руси.

До того как Москва стала повелительницей славянских княжеств Европейской равнины, ее торговля была подобна торговле соседних княжеств, таких как Тверское или Рязанское, и была не столь масштабной, как новгородская или казанская. Мы мало знаем о московской экономике в Средние века (XII–XV века). Марко Поло, никогда не ездивший на Русь, утверждал, что «страна эта не торговая»¹²⁵. Кости верблюдов в раскопках X века в окрестностях Киева подтверждают связи с Востоком, существовавшие за несколько веков до приключений Марко Поло. Датировка кладов арабских монет в Балтийском регионе позволяет предположить, что в XI веке восточная торговля прервалась, но в 1245 году папский легат Плато Карпини встретил русских купцов в Ургенче. И как бы невероятно это ни казалось, принимая во внимание трудности, с которыми Россия сталкивалась вплоть до конца XVIII века, стремясь укрепить свою гегемонию в Поволжье, но уже в X веке арабский писатель Ибн Хаукаль называл Волгу русской рекой, так много он видел там русских купцов¹²⁶. Понятие о Китае, пусть и не прямое, существовало уже по крайней мере в XIII веке – об этом свидетельствует то, что русские называли Пекин Камбалыком (Ханбалыком) – таково было название столицы Китая в Монгольскую эпоху¹²⁷. Дженет Мартин сообщает нам, что монгольское завоевание помогло интегрировать Москву в более оживленную торговую сеть на юге¹²⁸. Дональд Островский, вопреки словам Марко Поло, утверждал, что *Pax Mongolica* облегчил торговлю, чем воспользовались смекалистые москвиты, к концу XIII века ставшие кредиторами богатой Византии¹²⁹. Следуя традициям своего «долгорукого» предка, Иван I (1288–1340) заработал свое прозвище Калита («денежный мешок») благодаря тому успеху, с которым он зарабатывал деньги, будучи держателем монгольского ярлыка (дозволения собирать дань для монгольского хана). Летопись конца XIV века описывает Москву как город, полный богатства и славы¹³⁰.

ТОРГОВЛЯ – СРЕДОТОЧИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Торговля играла важнейшую роль для Российского государства еще до появления англичан в XVI веке, чему мало уделяли внимания историки, сосредоточившиеся в первую очередь на политической культуре и долго дискутировавшие о ее природе. Но если обратить внимание

¹²⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: Соцэкгиз, 1937. Ч. 2. С. 253–255.

¹²⁵ Polo M. The Book of Ser Marco Polo, the Venetian / Ed. and transl. by H. Yule. London: J. Murray, 1875. Vol. 2. P. 418.

¹²⁶ Перхавко В. Б. История русского купечества. Глава 3. С. 76, 91.

¹²⁷ Кюри Б. Г. Сочинение Кильбургера. С. 203–205.

¹²⁸ Martin J. The Land of Darkness and the Golden Horde: The Fur Trade under the Mongols, 13th–14th Centuries // Cahiers du monde russe et soviétique. 1978. Vol. 19. № 4. P. 401–421.

¹²⁹ Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998. P. 131.

¹³⁰ Вельтман А. Ф. Московские городские ряды и Гостиный двор // Москва. Купечество. Торговля: XV – начало XX века / Сост. А. Р. Андреев. М.: Крафт+, 2007. С. 86.

на торговлю, ее важность для государства сразу становится ясна¹³¹. Завоевание Русского Севера было вызвано желанием Москвы присвоить доходы Новгорода от торговли пушниной¹³². Коммерческие интересы играли важную роль в отношениях с Казанью при Василии III, как и в большинстве войн, которые вела Москва. Торговля была частью жизни до и после монгольского ига. Москва, как и Киевская Русь прежде, заботилась о поддержании отношений с югом. Она должна была это делать: Средиземное море, доступ к которому пролегал через Черное море, издавна было средоточием политики, а также религиозной, культурной, экономической и технологической гегемонии. Московия участвовала в северо-западной торговле, направленной к Балтийскому морю, и в южной, направленной к конечной станции Шелкового пути на берегу Черного моря, а позже на Волге.

Завоевание Константинополя, произошедшее в 1453 году, стало потрясением для христианского мира, но при этом повысило престиж Московии. После завоевания между Московией и Османской империей завязалась оживленная торговля. Дженет Мартин выявила 220 купцов, ездивших между Московией и османскими владениями с 1488 по 1502 год. Более чем в половине этих случаев купцы везли небольшие грузы, стоившие менее 50 рублей¹³³. Когда Османская империя распространила свое влияние на черноморский регион, Московия обратила свой взор на восток, в Поволжье, с целью развития альтернативных торговых направлений. Она поддерживала торговые (и дипломатические) отношения с восточной соперницей Османской империи – Персией.

С начала XVI века важным событием в Москве стала ярмарка степных лошадей. В 1474 году в Москву из Великой Орды прибыл огромный караван, состоявший из 600 татарских послов и 3200 купцов, которые привели с собой около 40 тысяч лошадей и привезли множество иных товаров¹³⁴. Китайские товары были найдены в домах русской элиты еще в период до XV века¹³⁵. Нет конкретных данных о присутствии русских купцов так далеко к востоку в XV веке, но причина этого в большой степени кроется в эффективности существовавших торговых сетей, в которых купцы из Центральной Азии выполняли роль посредников. Евразийская торговля была высокоразвитым миром, в котором товары путешествовали дальше, чем те, кто их вез¹³⁶. Однако есть данные, что русские купцы в XV веке добирались до Индии.

ПУТЕШЕСТВИЕ АФАНАСИЯ НИКИТИНА В ИНДИЮ

Афанасий Никитин был купцом, которого поиск возможностей для торговли привел в Индию, где он путешествовал между 1466 и 1474 годами. Он описал свое путешествие (1466–1472 или 1468–1474 годы) на юг, в Индию, где он провел почти три года, и назад на Русь. Его записки очень ценны: они позволяют заглянуть в экономический, политический и культурный контекст, в котором жил евразийский купец раннего Нового времени¹³⁷. Хотя текст Никитина занимает исключительное место среди русских источников XV века, его опыт был, вероятно, не

¹³¹ Интерпретации, считающие торговые интересы главной причиной московской экспансии в Сибирь, см.: *Martin J. The Fur Trade and the Conquest of Sibir // Sibérie II: Histoire, cultures, littérature, questions sibériennes*. Paris: Institut d'études slaves, 1999. P. 67–79; *Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade; Foust C. Russian Expansion to the East through the Eighteenth Century // Journal of Economic History*. 1961. Vol. 21. № 4. P. 469–482.

¹³² *Martin J. Treasure in the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia*. N. Y.: Cambridge University Press, 2004.

¹³³ *Martin J. Muscovite Travelling Merchants*. P. 25.

¹³⁴ *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар*. Казань: Школа, 2007.

¹³⁵ *Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке*. М.: Госкультпросветиздат, 1956.

¹³⁶ *Christian D. Silk Road or Steppe Roads?: The Silk Roads in World History // Journal of World History*. 2000. Vol. 11. № 1. P. 1–26; *Hansen V. Silk Road: A New History*. N. Y.: Oxford University Press, 2012. P. 10.

¹³⁷ *Ленхофф Г. Д., Мартин Дж. Б. Торгово-хозяйственный и культурный контекст «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. XLVII. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 95–126.

таким исключительным, потому что значительную часть своего путешествия он проделал вместе с другими русскими купцами¹³⁸. Никитин был родом не из Московии, а из Твери, которая во времена путешествий Никитина была соседним княжеством, одним из нескольких попавших в этот период в зависимость от Москвы. Ярославль был уже поглощен Московией к моменту отъезда Никитина. Ростовский князь продал свои наследственные права московскому в 1474 году. В 1478 году Москва военным путем захватила Новгород; суверенный великий князь Михаил Тверской отправил свои войска для участия в этом походе, хотя вместе с этим он пытался защитить свою независимость, укрепляя отношения с Литвой. Тверь была захвачена в 1485 году, примерно через десять лет после смерти Никитина.

На путешествие Никитина повлияли политическая нестабильность и беспорядки в странах, через которые он проезжал. Он добрался до Индии не потому, что первоначально это планировал, а потому, что ему не было позволено вернуться на Русь после того, как его взяли в плен и отвезли к султану, правившему в Южном Поволжье. Как типичный путешественник раннего Нового времени, Никитин, глядя вокруг себя практичным взглядом купца, назвал расстояния между городами, товары, которые можно найти на различных рынках, и величину таможенных пошлин. Никитин ведет себя как посол раннего Нового времени, которому обычно поручалось сообщить о потенциальных возможностях соседних стран, и описывает проявления военной силы; будучи сыном эпохи, когда вопросы ранга и протокола играли важнейшую роль в культуре, он описывает ритуалы. Кроме того, он высказывается по поводу еды и культуры. Назвав веру в Будду и повсеместный запрет на употребление в пищу говядины объединяющими чертами индуизма, Никитин вместе с тем был зачарован разнообразием индийских вер и обычаев.

Религиозные заботы очень занимали Никитина. Экзистенциальная тревога, которую он испытывает, ведя дела в многоконфессиональном мире, возможно, является самым завораживающим аспектом его рассказа¹³⁹. Никитин тревожился, что утратил свою веру¹⁴⁰. Когда книга, которую он взял с собой в путешествие, была украдена, у него не осталось никакой книги, чтобы читать молитвы, и никакого календаря, позволявшего соблюдать религиозные праздники. Путешествуя в землях, населенных мусульманами и индусами, он не знал, когда соблюдать Великий пост или праздновать Пасху. Когда встреченные мусульмане заметили, что он, видимо, не следует никакой вере, Никитин был в ужасе. Он начал поститься вместе со своими спутниками-мусульманами и признался в своем дневнике, что боится стать мусульманином. Возможно, отступничество от веры с целью достижения успеха было не такой уж редкостью в евразийских пространствах торговли. Согдийцы, купцы древней и средневековой внутренней Евразии, были известны своей религиозной гибкостью¹⁴¹. В XVII веке русских послов обвиняли в отступничестве, не говоря уж о бесчисленных православных рабах, оказавшихся в мусульманских землях. Межконфессиональные аспекты торговли раннего Нового времени вновь встретятся нам в седьмой главе.

Примерно в то самое время, когда Афанасий Никитин разбирался с религиозными различиями и заключал товарные сделки в Индии, Амброджо Контарини, посол Светлейшей Венецианской республики, позже описавший свои приключения, отправился в Персию искать союза с шахом против турок-османов. На обратном пути его похитили, и он оказался в Астрахани. Там за несколько десятилетий до того, как Московия выдвинула какие-либо претензии на этот

¹³⁸ Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. С. 42–45; *Crummey R. O.* The Formation of Muscovy, 1304–1613. N. Y.: Routledge, 1987.

¹³⁹ Ленхофф и Мартин поднимают этот вопрос, а Мэри Джейн Максвелл его исследует в своей статье: *Maxwell M. J.* Afanasii Nikitin: An Orthodox Russian's Spiritual Voyage in the Dār al-Islām, 1468–1475 // *Journal of World History*. 2006. Vol. 17. № 3. P. 243–266.

¹⁴⁰ Ср.: *Аввакум Петров*. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М.: Гослитиздат, 1960.

¹⁴¹ *Foltz R. C.* Religions of the Silk Road. N. Y.: Palgrave Macmillan, 1999.

каспийский порт, русские купцы, торгующие в Астрахани, выкупили его и привезли к московскому двору, где он ждал, пока из Венеции не прислали компенсацию¹⁴². Эти два рассказа демонстрируют широчайший размах связей Московии в XV веке.

ПОДЪЕМ МОСКОВИИ

Московские князья активно действовали, собирая в Москву богатства и укрепляя ее могущество; начиная с XIV столетия они работали над тем, чтобы сделать ее положение более стабильным и использовать все возможности, открывающиеся во всех географических направлениях. Подъем Московского княжества и распад монгольской Орды – эти два затянутых, длительных процесса наложились друг на друга. Монгольское иго прекратилось после столетнего упадка, происходившего с 1360-х годов до середины XV века. Рост могущества Московского княжества не был стремительным, но зато был неуклонным. Иван III (правивший в 1462–1505 годах) в 1478 году завоевал процветающее олигархическое Новгородское княжество. Это было, возможно, первое имперское завоевание Москвы, и оно совершилось еще тогда, когда Москва формально была подчинена Великой Орде (хотя прошло не одно десятилетие с тех пор, как Москва перестала регулярно платить дань Сарая). Иван III продолжил укреплять и расширять власть Москвы, используя не только принуждение, но и брачные союзы, международную дипломатию, создание символических центров и издание свода законов – стратегии, хорошо известные тем, кто изучает европейских правителей раннего Нового времени. Он сосредоточил свои усилия на экспансии по направлению к Балтийскому морю и Шелковому (Каспийскому) пути, важным торговым областям, привлекавшим правителей этой части света со времен викингов. Когда верховная монгольская власть рухнула, Евразия пережила несколько десятилетий патовой ситуации, в которой соперничали Москва и другие государства-преемники – Казань, Астрахань, Сибирь и Крым. Подобно пост-чингизидскому миру Центральной Азии, славянские княжества обладали культурным и династическим родством. Но они часто ценили независимость больше, чем верность этому родству, что создавало раздробленный политический пейзаж.

Иван III, один из величайших государственных строителей в истории России, стремился поддерживать международные торговые связи. Кроме своего знаменитого брака с Софьей Палеолог, племянницей византийского императора, жившей под опекой папы римского, он посылал посольства в Италию (1468, 1474, 1486)¹⁴³, Венгрию (1482) и Священную Римскую империю (1490). В 1494 году Иван III изгнал из Новгорода купцов Ганзы. Это решение приводится в качестве примера московской отсталости и изоляционизма. Но если принимать во внимание, что в XV веке ганзейские купцы в Новгороде действовали скорее как криминальная группировка, чем как сторонники свободного рынка, в их изгнании не следует видеть враждебность по отношению к здоровой торговле. Решение Ивана III можно по-разному интерпретировать. Довнар-Запольский предположил, что это был ответ на казнь двух русских купцов в Ревеле¹⁴⁴. Кроме того, вероятно, что полное подчинение Новгорода было в этот момент большим приоритетом для Ивана III, чем поддержка торговли. Наконец, можно задаться вопросом, не были ли члены Ганзы как-то связаны с историей о ереси «жидовствующих», недавно взбудоражившей Новгород и Москву¹⁴⁵.

¹⁴² *Barbaro G., Contarini A. Travels to Tana and Persia, by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini. London: Hakluyt Society, 1873.*

¹⁴³ *Noonan T. S., Kovalev R. K. «The Furry 40s»: Packaging Pelts in Medieval Northern Europe // States, Societies, Cultures East and West: Essays in Honor of Jaroslaw Pelenski / Ed. by J. Duzinkiewicz. N. Y.: Ross Pub Inc, 2004. P. 653.*

¹⁴⁴ *Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Киев: кн. маг. Н. Я. Оглоблина, 1912. Т. 3. С. 331.*

¹⁴⁵ См.: *Ostrowski D. Interconnections: Russia in World History. Chapter 4.*

Несмотря на успешное государственное строительство Ивана III в XV столетии, московская власть по-прежнему не имела достаточно устойчивой опоры. К концу XVI века Москва была бесспорным лидером восточных славян, но ее правительство было по-прежнему очень немногочисленно; вероятно, оно сводилось лишь к четырем департаментам (приказам)¹⁴⁶. Верных слуг на местах было мало, и в ситуации практического отсутствия государственной бюрократии и тем более установленных законом процедур они вознаграждали себя за то, что выполняют царские приказы, в соответствии с традиционной системой, известной как «кормление». Эта система позволяла делать что угодно – и слуга царя мог взять все, «что рынок выдержит». Вымогательство, принуждение и сила, очевидно, могли продемонстрировать, что может выдержать рынок – то есть местное население. Чрезмерное давление на людей могло вынудить их взять вилы и начать восстание, но не требуется быть апологетом, чтобы признать, что жители окраинных областей ценили защиту, обеспечиваемую им российскими войсками (пусть и не всегда успешную) от татарских рейдов за рабами, от которых постоянно страдала южная Московия.

Сын Ивана III Василий III (правил с 1505 по 1533 год) видел в торговле компонент международных отношений. Его усилия по укреплению региональной власти Москвы включали в себя создание и расширение торговли в областях под османским владычеством, а также, в чем он был менее успешен, увеличение своего влияния в Поволжье. Василий III послал двух торговых представителей (гостей) в Стамбул – первого в 1515-м, второго в 1530 году¹⁴⁷. Эти инициативы помогли ему установить прямые государственные торговые связи, и Василий III без особого беспокойства отреагировал на распад московско-крымского союза. В скором времени он оскорбил Крымское ханство, не отправив щедрых даров, которые туда обыкновенно отправлял его отец. Он начал войну против Литвы, находившейся в союзе с Крымом. Хотя Василий захватил Смоленск в 1512 году, до прямого контакта с османским султаном, этот шаг показывает интерес Василия к расширению пределов московской торговли. Смоленск, находившийся на Днепре, неподалеку от волока к Западной Двине, впадающей в Балтийское море (не путать с Северной Двиной, впадающей в Белое море), был важнейшим пунктом на Черноморском и Балтийском торговых путях. На востоке Василий ввел торговое эмбарго против Казанского ханства, запретив русским купцам торговать в Казани и перенаправив их в Нижний Новгород; это эмбарго, по некоторым оценкам, повредило московской экономике не меньше, чем казанской¹⁴⁸. Таким образом, идя на обострение отношений с соседями (Крымом и Казанью), он вместе с тем предпринимал шаги, чтобы укрепить позиции Москвы в дальней торговле. В 1524 и 1527 годах Василий III забросил коммерческо-дипломатическую сеть еще дальше, отправив русских послов к императору Священной Римской империи Карлу V, властителю самой большой империи на земле. Кроме того, он и сам принимал габсбургских послов, одним из которых был Сигизмунд фон Герберштейн, автор одного из самых знаменитых рассказов о Московии XVI века¹⁴⁹.

Московские дипломатические связи указывают на широкий географический размах. А где была дипломатия, там была и торговля. Дипломаты привозили с собою «дары», часто выполнявшие коммерческие функции. Они приезжали с намерением приобрести определенные товары – либо получив их в дар, либо купив их. С этой целью послы и их свита часто перевозили товары для торговли. Дворы правителей – и великие князья Московские исклю-

¹⁴⁶ Romaniello M. P. The Elusive Empire: Kazan and the Creation of the Russian Empire. P. 55.

¹⁴⁷ Флоря Б. Н. Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (вторая половина XV – начало XVII вв.) // История СССР. 1977. № 5. С. 149.

¹⁴⁸ Martin J. Medieval Russia. P. 319–329. В своей книге «Странствующие московские купцы» (Martin J. Muscovite Travelling Merchants) Мартин пришел к выводу, что развитие государственной торговли между Россией и Османской империей повредило частной торговле.

¹⁴⁹ Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Маленина, А. В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988.

чением здесь не были – вели и более формальную торговлю, посылая людей за границу торговать от их лица. В зависимости от того, как их принимали, послы могли заниматься торговлей при дворе и/или на местных рынках. Наконец, частные купцы обязательно присоединялись к дипломатическим экспедициям. В случае Московии, как и в значительной части мира раннего Нового времени, под видом дипломатии осуществлялась масштабная торговля, не задокументированная таможенными чиновниками и не облагавшаяся налогами на границе. Поскольку торговля и политика были неотделимы друг от друга, если следить за дипломатическими миссиями, можно получить ценную, хотя и не поддающуюся квантификации информацию о торговых отношениях государства. На самом деле я подозреваю, что именно сбрасывание со счетов того, что нельзя посчитать, и привело к недооценке коммерческой активности Московии раннего Нового времени.

ВОДОРАЗДЕЛ XVI ВЕКА

XVI век стал переломным в отношении места России в мировой экономике, и этому были две причины: Московское государство значительно увеличило размах своей торговли как на западе, так и на востоке. Летом 1553 года экспедиция Уиллоби – Ченслера, состоявшая из трех английских кораблей, подняла паруса, чтобы плыть по холодным водам вдоль берега Северной Евразии в поисках северо-восточного пути к богатствам Индии и Китая (Китая). Два из трех кораблей потонули, а третий сел на мель в устье Двины. Когда сообщение об этом достигло Ивана IV, он приказал привезти капитана корабля в Москву. Уиллоби нашел смерть в морской пучине, а Ченслер удостоился роскошного приема в Москве. Он вернулся домой с дарами и с обещанием монопольных привилегий английским купцам в Московии. Перед лицом таких счастливых перспектив двести пятьдесят английских инвесторов объединили свои ресурсы и в 1555 году учредили Московскую компанию. В английской фактории, основанной в устье Северной Двины, началась прямая торговля с Россией. В 1555 году вместе с первыми английскими купцами, возвращавшимися на родину, в Лондон прибыла группа русских купцов¹⁵⁰. Хотя последующим компаниям суждено было достичь большей славы и оставить большее наследие, именно Московская компания стала первым акционерным обществом, заложив модель, которая стала определяющей в морской торговле раннего Нового времени.

Но московский торговый кругозор отнюдь не сводился к одним англичанам. Иван IV (1533–1584) еще более активно искал торговых шансов и геополитических возможностей, чем его отец Василий III. В 1552 году, почувствовав политическую слабость Казани, он принял смелое решение захватить ее и взять под контроль торговлю на верхней Волге: это событие впоследствии стало считаться началом России как многоконфессиональной империи. В 1567 году он отправил торговых агентов в Ормуз (Персия), Антверпен (Нидерланды), Царьград (турецкий Константинополь), Александрию Египетскую и Швецию¹⁵¹. Иван IV укрепил связи с Кавказом, женившись на кабардинской принцессе из клана Черкасских¹⁵². Иван получил торговые посольства из Ургенча и Бухары¹⁵³. Он милостиво принял посольства от христиан-грузин с Кавказа, хотя и отказался предоставить им военную помощь, которой они просили для защиты от персидской угрозы. Англичанин Джэйлс Флетчер, посетивший Московию в конце XVI века, сообщил, что «как слышал я... купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армян-

¹⁵⁰ *Baron S. H. Osip Nepea and the Opening of Anglo-Russian Commercial Relations.*

¹⁵¹ *Бахрушин С. В. Иван Грозный // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. II. С. 309–311; Martin J. Muscovite Travelling Merchants. P. 34; Noonan T. S., Kovalev R. K. «The Furry 40s»: Packaging Pelts in Medieval Northern Europe. P. 653.*

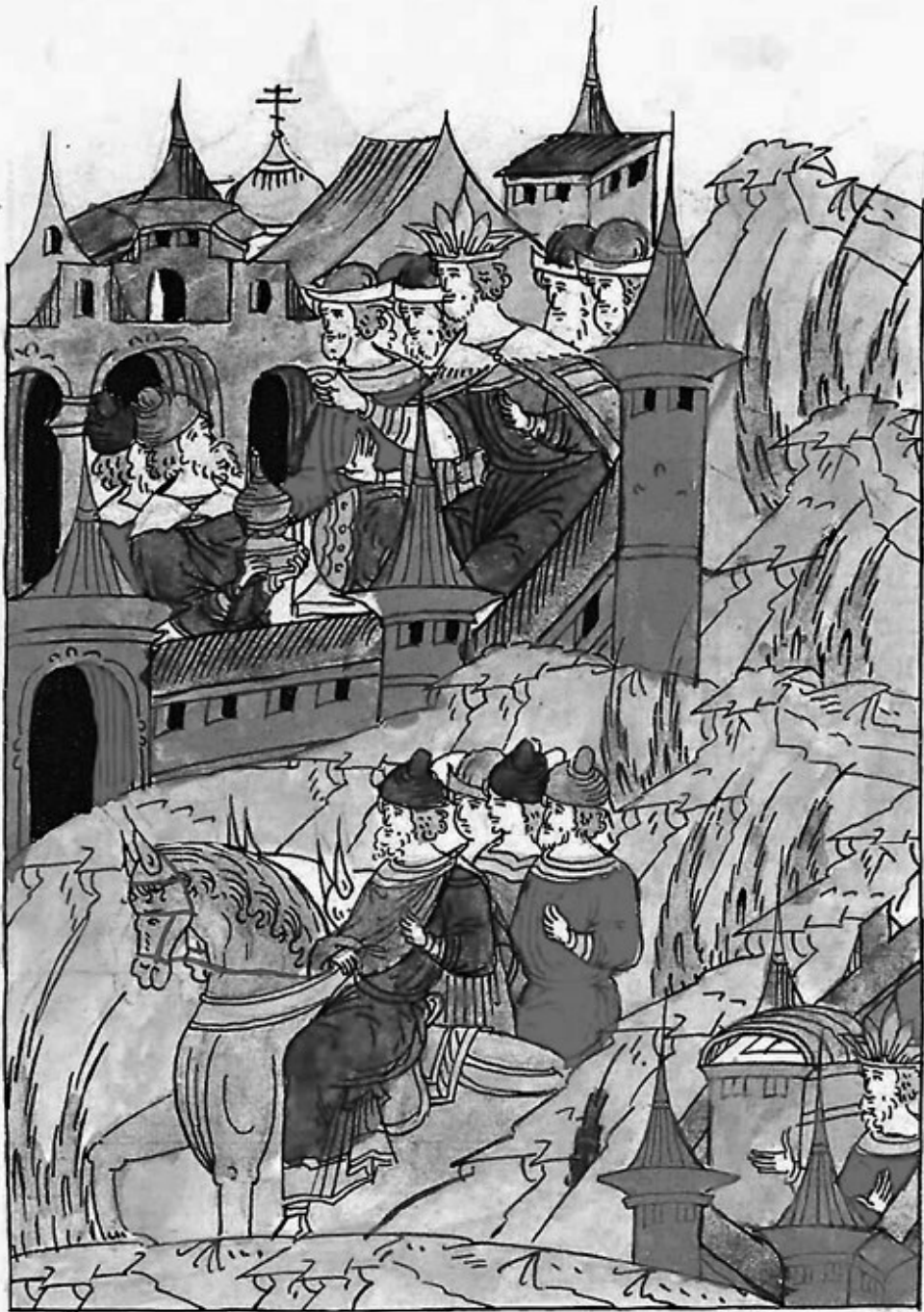
¹⁵² *Bushkovitch P. Princes Cherkasskii or Circassian Murzas: The Kabardians in the Russian Boyar Elite, 1560–1700 // Cahiers du monde russe. 2004. Vol. 45. № 1–2. P. 9–30.*

¹⁵³ Лицевой летописный свод XVI века / Пер. Е. Н. Казаковой. Кн. 23, 1557–1567 гг. М.: Фирма «АКТЕОН», 2010. Кн. 23, 98, 101, 102.

ские и разные промышленники христианского мира вывезли мехов на 400 000 или 500 000 рублей»¹⁵⁴. В самом деле, Иван вел дела в сложном геополитическом пейзаже, воюя на востоке и на западе. Вспомним, что торговля военными товарами лежала в основе англо-русских отношений¹⁵⁵.

¹⁵⁴ *Fletcher G.* Of the Russe Common Wealth. P. 9.

¹⁵⁵ *Bond E. A.* Russia at the Close of the Sixteenth Century. London: Routledge, 2010. P. XIV–XX. Есть версия, что торговля оружием началась по английской инициативе: *Yakobson S.* Early Anglo-Russian Relations (1553–1613) // Slavonic and East European Review. 1935. Vol. 13. № 39. P. 597–610.

о послѣхъ и збоухартъ . того же мѣца .
пришлѣ послы и збоухартъ . иша ма
рханъ ѿ црѣвоухарскаго иша марха
искаго . послы азѣмѣ азидашнхъ .
споминки . илюбоуныи челоуки
емѣ . проидѣ до
рогнгоетѣ и
обреже е

Ил. 1. Бухарское посольство к Ивану IV, осень 1558 года. Источник: Лицевой летописный свод. Кн. 23. С. 98. Любезно предоставлено Коллекцией Джека Коллмана с разрешения издательства «АКТЕОН»

На юге Россия, заинтересованная в безопасности торговых путей, искала хороших отношений как с Османской империей, так и с Персией. Ее отношения с обеими державами в XVI–XVII веках в большой степени определялись османско-персидским соперничеством. Хотя с 1568 по 1574 год в Москву не прибыл ни один османский караван, Иван IV в 1567 (как указано выше) и 1570 годах отправлял турецкому султану посольства, нагруженные многочисленными дарами¹⁵⁶. В 1590 году русские купцы вернулись в Москву от османского двора¹⁵⁷. Сефевидский Иран был важнейшим культурным центром Евразии раннего Нового времени и производителем товаров, о которых все мечтали. Хотя политические вопросы постоянно препятствовали экономическим перспективам, Москва всегда стремилась поддерживать торговые связи со своими шиитскими соседями, и с 1590 по 1626 год отправила в Иран не менее десяти посольств¹⁵⁸. Русские купцы уже жили в Сефевидской державе, когда Московская компания только пыталась обосноваться там: «Пошлите сюда человека, который знает русский язык, потому что он нам нужен», – писал представитель компании Артур Эдуардс в 1566 году¹⁵⁹. Англичане, тоже заинтересованные в торговле с Ираном, отправляли туда посольства в 1564, 1565, 1568, 1569 и 1579 годах¹⁶⁰. Пытаясь поддерживать выгодную торговлю с Сефевидами, англичане, как и в Московии, сталкивались с соперничеством со стороны голландцев.

Хотя назначать англичан ответственными за восточную экспансию Москвы означает слишком переоценивать их роль и неправильно интерпретировать геополитическую историю Евразии, возможно, что английский энтузиазм по поводу транзитной торговли с Китаем сыграл роль в пробуждении собственного интереса Москвы в этом направлении. Строгановы, подобно другим европейцам, вложились в поиск северо-восточного прохода в «Катай» и, подобно другим европейцам, разочаровались в этом предприятии¹⁶¹. Английские послы от Энтони Дженкинсона до Джона Мерика добивались разрешения на транзит, которое Москва не хотела предоставлять.

В первые десятилетия своего существования Московская компания успешно эксплуатировала Беломорский путь. Судя по всему, протекционизм отнюдь не был первым импульсом Ивана IV. Когда англичане приехали, Иван IV предоставил им существенные льготы, в том числе и право беспошлинной торговли. Но в XVI веке Московия уже развивала свою торговлю и с другими европейскими странами, в первую очередь с голландцами. В 1570-х годах голландское торговое судно, возможно принадлежавшее антверпенскому эмигранту Гиллису Хофтману, спасаясь от датских пиратов, оказалось в заливе, который впоследствии станет Архангельском¹⁶². Англичане обосновались на острове Роз в устье Северной Двины¹⁶³. Голландцы, несмотря на недовольство англичан, стали торговать в Архангельске, на суше. Это местопо-

¹⁵⁶ *Martin J.* The Fur Trade and the Conquest of Sibir'. P. 71; *Mathee R. P.* Anti-Ottoman Politics and Transit Rights: The Seventeenth-Century Trade in Silk between Safavid Iran and Muscovy // *Cahiers du monde russe.* 1994. Vol. 35. № 4. P. 739–761.

¹⁵⁷ *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока. С. 67.

¹⁵⁸ *Romaniello M. P.* «In Friendship and Love»: Russian Travels to Muslim Lands in the Early Modern Era // *Historical Yearbook.* 2009. Vol. 6. P. 113; *Mathee R. P.* Anti-Ottoman Politics and Transit Rights. P. 746. Мартин сообщает, что первое посольство в Персию состоялось в 1588 году. *Martin J.* The Fur Trade and the Conquest of Sibir'. P. 75.

¹⁵⁹ См. письма в: *Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and Other Englishmen* / Ed. by E. D. Morgan, C. H. Coote: in 2 vols. London: Hakluyt Society, 1886. Vol. 2. P. 384–406. Цитата: P. 389.

¹⁶⁰ *Кагарлицкий Б. Ю.* Периферийная империя. С. 147.

¹⁶¹ *Baron S. H.* Muscovy and the English Quest for a Northeastern Passage to Cathay (1553–1584) // *Baron S. H.* Explorations in Muscovite History.

¹⁶² *Houtte J. A.* An Economic History of the Low Countries. P. 194.

¹⁶³ *Willan T. S.* The Early History of the Russia Company. Manchester, UK: Manchester University Press, 1956.

жение оказалось более удачным, потому что не нужно было перевозить товары с континента в островной порт. К 1580-м годам англичане имели дело с жесткой конкуренцией со стороны голландцев, которые уже были их соперниками в Балтийском и Северном морях, в Иране, а в скором будущем им предстояло начать борьбу и в Индийском океане. В отличие от Персии, где англичане вытеснили голландцев, в Московии голландцы в конечном счете одержали верх¹⁶⁴.

Эксклюзивные привилегии Англии оказались недолговечными. Грамота 1555 года даровала членам Московской компании щедрые льготы. В скором времени они были отозваны: в 1567 году англичанам было запрещено нанимать русских; указ 1569 года ограничил их доступ в небольшие русские города¹⁶⁵. Отмена эксклюзивных привилегий Московской компании была вызвана сочетанием двух факторов, а именно давления со стороны местных купцов и недовольства властей отказом Англии заключить военный союз. Ливонская война (1558–1583) была начата Иваном отчасти из-за заботы о торговых интересах, но длилась на протяжении десятилетий, пока в 1581 году Швеция не захватила Нарву, отрезав Россию от выхода к Балтийскому морю. Схватка с врагами на северо-западном направлении заставила Ивана искать союза с Англией. Стремясь удержать эксклюзивные торговые права, Англия тайно продавала Москве оружие, но не была готова пойти так далеко, чтобы формально впутаться в политические конфликты Москвы. Русские были недовольны подобным решением, и в 1582–1583 годах Россия объявила новопостроенный город Архангельск портом, открытым всем странам. Это объявление обнулило английские льготы. В 1584 году было принято еще одно решение, наносившее урон англичанам: они потеряли право на транзитную торговлю с Персией¹⁶⁶.

Архангельск быстро затмил остров Роз и стал крупнейшим пограничным торговым центром – это положение сохранил до самого XVIII века, когда его сменил Петербург¹⁶⁷. Открытие Архангельска позволило установить прямые связи между рынками, которые уже давно знали друг о друге. К 1590-м годам голландцы торговали такими русскими товарами, как пенька, юфть, воск, пушнина и икра. В 1597 году Франческо Вринс и Джакомо ван Леменс утверждали, что они первыми послали корабли напрямую из Московии в Венецию (отправившиеся из Архангельска и обогнувшие Европу по Атлантическому океану), нагруженные пенькой и пеньковыми канатами для Арсенала. Голландцы тоже были посредниками в русско-венецианской торговле пенькой. Когда в конце XVI века в Италии началась нехватка еды, в Италии стало выгоднее производить не пеньку, а хлеб, в результате чего цена на пеньку выросла и она стала ценным дальним товаром, который все чаще закупался в Московии. После смерти Пьеро Пелликорно его наследники (голландские племянники Мартин Юро и Алвизе дю Буа) утверждали, что их дядя, получавший грузы пеньки, икры и различных видов кожи по крайней мере с 1597 года, начал импорт русских товаров. В целом голландцы сумели укрепиться в роли посредников Венецианской республики, могучего, но постепенно увядающего центра торговли. В 1607 году венецианская торговая палата (*Cinque Savi alla Mercanzia*, Пять мудрецов торговли) признала голландцев посредниками, облегчающими торговлю Венеции с Северной Европой¹⁶⁸. Для англичан и голландцев северная Россия стала еще одним фронтом, на котором они боролись за первенство. Англичане каждый год посылали в северный порт четырнадцать-пятнадцать кораблей, но, согласно Джонатану Израэлю, к 1600 году в Архангельске

¹⁶⁴ Арель считает, что голландская победа была не такой уж решительной. См.: *Arel M. S. Masters in Their Own House: The Russian Merchant Elite and Complaints against the English*. P. 401–447.

¹⁶⁵ *Baron S. H. The Muscovy Company, the Muscovite Merchants and the Problem of Reciprocity*. P. 572–574.

¹⁶⁶ *Baron S. H. The Muscovy Company, the Muscovite Merchants and the Problem of Reciprocity*. P. 572.

¹⁶⁷ *Ohberg A. Russia and the World Market in the Seventeenth Century // Scandinavian Economic History Review*. 1955. Vol. 3. № 2. P. 123–155.

¹⁶⁸ *Gelder M. van. Library of Economic History. Trading Places: The Netherlandish Merchants in Early Modern Venice*. Boston: Brill, 2009. Vol. 1.

господствовали голландцы¹⁶⁹. Впрочем, история международных торговых связей Московии в XVI столетии никоим образом не сводится к англо-голландскому состязанию на российской территории.

Параллельно с этим соперничеством происходило нечто более масштабное. Ченслер прибыл в Московию всего через год после того, как Иван IV начал военное завоевание Казани, фундаментально изменив отношения с соседями, которые в прошлом году осуществлялись при помощи переговоров и попыток оказывать политическое влияние. В 1552 году, после нескольких десятилетий политиканства, произошло первое завоевание, масштабное и жестокое. Восток присутствовал на метафорическом радаре Москвы задолго до того, как появились англичане, ищущие пути в Китай. Не менее важные события разворачивались и в центре Московского государства. XVI столетие характеризовалось расширением и централизацией государства, за которыми последовал обвал. Обвалу предшествовали продолжительные войны, эксцентричная опричнина (1564–1572), годы плохих урожаев и пресечение династии Рюриковичей: все это вместе привело к более чем десятилетию общественных потрясений и гражданских войн. Экономические цели ушли на задний план, в то время как Московия переживала период династических кризисов, войн и разрушений, известный как Смутное время (1598–1613).

Завоевание Москвой Казани (1552) и Астрахани (1554) привело к коренной реорганизации политико-экономического ландшафта Западной Евразии. «Открытие» Беломорского прохода англичанами начало период империалистического давления со стороны англичан, которое московиты сумели обуздать, в чем им отчасти – но лишь отчасти – помогло соперничество других иностранных купцов, таких как голландцы и шведы. В XVI веке Москва не только углубила свои экономические отношения с Западом, но и заложила основу для экономической интеграции XVII века, нашедшей достойное отражение в труде Ярмо Котилляйне¹⁷⁰. Хотя тщетно было бы искать каких-либо последовательных программных заявлений со стороны московского правительства, в XVI веке уже видны начала активного коммерческого государства¹⁷¹. Смутное время было закономерным кризисом, но оно лишь временно отсрочило активизацию экономики, отчетливо видную в Московском государстве.

ГОСУДАРСТВО КОММЕРЧЕСКОГО АКТИВИЗМА

Ученые последних десятилетий, реагируя на государственническую историческую традицию, в которой могущественный, даже деспотичный царь правит раболепным населением, улучшили наше понимание московской истории, донеся до нас мысль, что государство было минималистично: малыми силами оно достигало многого; оно замахивалось на труднодостижимые цели, и ему постоянно недоставало ресурсов, но, невзирая на эти трудности, оно совершало изумительные дела¹⁷². Однако, когда речь заходит об экономике в XVII веке и во время правления Петра, государство отнюдь не стремилось быть минималистским, и не факт, что было им. Цель минимизации социальной политики и активизации коммерческой стратегии была одна и та же: военная мобилизация и стабильность. Однако московская политика ком-

¹⁶⁹ Israel J. I. *Dutch Primacy in World Trade, 1585–1740*. N. Y.: Clarendon Press, 1989.

¹⁷⁰ Kotilaine J. T. *Russia's Foreign Trade*. Chapter 1.

¹⁷¹ Baron S. H. *Ivan the Terrible, Giles Fletcher, and the Muscovite Merchantry* // Baron S. H. *Muscovite Russia*; Baron S. H. *Osip Nepea and the Opening of Anglo-Russian Commercial Relations*. Ходарковский (Ходарковский М. Степные рубежи России. С. 64) и Ледонн (*LeDonne J. The Russian Empire and the World*. P. XV. P. 368) признают отсутствие у российского руководства ясно сформулированной стратегии.

¹⁷² Kollmann N. Sh. *Muscovite Russia, 1450–1598* // *Russia: A History* / Ed. by Gregory L. Freeze. N. Y.: Oxford University Press, 1997. P. 27–54. См. также: Ostrowski D. *The Façade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia* // *Comparative Studies in Society and History*. 2002. Vol. 44. № 3. P. 534–563; Henshall N. *The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy*. N. Y.: Routledge, 1992.

мерческой активности не выходила за рамки нормы для государств того времени, как хотел бы нас заставить думать Джайлс Флетчер; в большинстве случаев она вполне вписывалась в стандарт государства раннего Нового времени¹⁷³.

Когда Романовы пришли к власти, их ключевой стратегией стало развитие государства коммерческого активизма¹⁷⁴. Романовы во многом были новаторами. Кроме того, они были наделены проницательностью: действуя в очень нелегкой ситуации, в которой потерпели крах другие, ничуть не менее видные боярские семейства, они сумели добиться легитимности и сохранить ее. В весьма конкурентной политической среде их успех не был простой случайностью. Когда собеседник Екатерины II выразил свое восхищение ее политическими успехами, она отнесла их на счет своего здравого смысла, ответив: «Повеления мои, конечно, не исполнялись бы с точностью, если бы не были удобны к исполнению... И когда уж наперед я уверена в общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствием то, что ты называешь слепым повиновением»¹⁷⁵. Точно так же, пускаясь в коммерческую активность, ранние Романовы избрали стратегию, пользовавшуюся поддержкой значительной части правящего класса. Московское руководство понимало важность и потенциал торговли. В этой сфере наблюдается потрясающая преемственность как минимум с XV века до, как мы увидим, правления Петра I. В этом мое понимание расходится со взглядом Майкла Ходарковского, считающего, что «в отличие от средневековой Европы... или более поздних европейских колониальных проектов в Америке и Азии, главным двигателем которых были меркантилистские интересы, российская экспансия на юг на протяжении всего этого периода объяснялась в первую очередь геополитическими соображениями и лишь во вторую очередь интересами экономики и торговли»¹⁷⁶.

Московское государство видело себя в двойной роли регулятора экономики и ее активного участника. Государство сигнализировало о том, что признает важность торговли, разнообразными способами: поддержкой международных торговых связей, налоговой политикой, субсидированием торговой деятельности и учреждением привилегированных купеческих групп, что позволяло государству мобилизовать специалистов в торговом деле на повышение государственных доходов. Наконец, государство признало важность торговли тем, что само приняло участие в различных рынках, используя привилегированных купцов (а иногда и других) в качестве торговых агентов и вводя различные монополии.

Ученые признали коммерческую активность ранних Романовых¹⁷⁷. Историк П. П. Смирнов писал, что «радикализм» мероприятий, осуществлявшихся в их эпоху, «ширина и объем действительно захватывали все внимание наблюдателя общественной жизни половины XVII века и заставляли думать, что все постановления страны в это время были направлены на коммерцию и торги»¹⁷⁸. Историк времен империи Н. И. Костомаров, советский историк О. Н. Вилков и американский историк Дженет Мартин отметили усилия государства по развитию торговли с Центральной Азией, а Клиффорд Фоуст и Марк Бассин обратили внимание на

¹⁷³ Fletcher G. Of the Russe Common Wealth. P. 26–63; Baron S. H. The Weber Thesis and the Failure of Capitalist Development in «Early Modern» Russia // Baron S. H. Muscovite Russia. P. 321–336.

¹⁷⁴ Я использую термин «активизм» вместо «меркантилизм». Меркантилизм в первую очередь ассоциируется с аккумуляцией драгоценных металлов и положительным балансом торговли. Хотя Московия действительно имела в XVII веке положительный баланс торговли, в Сибири государство было больше заинтересовано добиваться регулярных визитов иностранных купцов, которые привозили бы товары в Российскую империю.

¹⁷⁵ Русский архив. 1864. Т. 2. С. 750–751. Цит. в: Ostrowski D. The Façade of Legitimacy. P. 562.

¹⁷⁶ Ходарковский М. Степные рубежи России. С. 324.

¹⁷⁷ Сергей Богатырев описывает Московию как государство активизма, хотя использует иной фокус зрения. См.: Bogatyrev S. Localism and Integration in Muscovy // Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present / Ed. by S. Bogatyrev. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004. P. 103.

¹⁷⁸ Смирнов П. П. Экономическая политика в XVII в. // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Киев: кн. маг. Н. Я. Оглоблина, 1912. Т. 3. С. 404.

энтузиазм, с которым наращивалась торговля с Китаем¹⁷⁹. Ярмо Котилляйне зафиксировал усилия российского руководства по развитию торговли на Балтике, а также в Смоленской земле (поставлявшей на Балтику пеньку и лес) в конце XVII века¹⁸⁰. Кэрол Стивенс описала политику Москвы по инструментализации украинского зерна во второй половине XVII века¹⁸¹. Джон Ледонн отметил важнейшую роль коммерческих устремлений в политике Петра I¹⁸². Как будет показано во второй и третьей главах, государство испытывало глубочайший интерес к развитию торговли в Сибири. В обязанности воевод входил сбор дани, но государство создало целую сеть таможен для получения коммерческого дохода.

РОССИЙСКИЕ ДОХОДЫ

Значительная часть зарождающегося чиновничества занималась максимизацией доходов государства с целью оплатить растущее войско – феномен, связанный с тем, что называют подъемом военно-фискального государства. Административная инфраструктура была необходима для сбора таможенных пошлин (и иных налогов) и регулирования различных отраслей. Приоритеты были ясны. Канцелярские документы неумолимо подчеркивают важность повышения доходов царской казны. Подданные хорошо понимали задачи государства. Когда служилые люди желали выдвинуть обвинение, которое привлечет к себе внимание, они обвиняли друг друга в нанесении ущерба доходам царя. Как мы увидим, авторы челобитных к царю регулярно использовали этот способ, чтобы добиться собственных целей. Когда в Верхотурье чиновник посадил в тюрьму местного крестьянина за сопротивление изъятию коня – то ли для законной службы, то ли для личных нужд чиновника, по этому вопросу возникла полемика, – крестьянин оформил свою апелляцию именно с точки зрения царских доходов. Проведя в тюрьме время сбора урожая в 1655 году, он не мог собрать со своих полей столько, сколько собрал бы, будучи на свободе; таким образом, его тюремное заключение не позволило ему заплатить больше денег царю¹⁸³.

¹⁷⁹ *Костомаров Н. И.* Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб.: Изд. Николая Тиблена, 1862. С. 56; *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. С. 170; *Martin J.* The Fur Trade and the Conquest of Sibir. P. 76–77; *Bassin M.* Expansion and Colonialism on the Eastern Frontier: Views of Siberia and the Far East in Pre-Petrine Russia // *Journal of Historical Geography*. 1988. Vol. 14. № 1. P. 3–21. Бассин придает чрезмерное значение пушнине.

¹⁸⁰ *Kotilaine J. T.* Russian Merchant Colonies in Seventeenth-Century Sweden. P. 97, 99.

¹⁸¹ *Stevens C. B.* Trade and Muscovite Economic Policy toward the Ukraine: The Movement of Cereal Grains during the Second Half of the 17 c. // *Ukrainian Economic History: Interpretive Essays* / Ed. by I. S. Koropecyjk. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. P. 172–185.

¹⁸² *LeDonne J.* The Russian Empire and the World. P. 23–24, 348.

¹⁸³ СПБНИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 11–13.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.